

З.И. Парунина

Встречи и
Воспоминания

Тарунина З.И.

Встречи и воспоминания. – Пермь, 1999. – 96 с.

Зинаида Ивановна Тарунина прожила долгую и счастливую жизнь. Она работала преподавателем русского языка и литературы, заведующей школы и лектором. Ее всегда отличала любовь к литературе и искусству. Разнообразные интересы определяли и встречи, и круг общения, и выбор друзей. Герои ее эссе – С.Лемешев, Г.Гулиа и А.Хачатурян и многие другие известные деятели культуры. Дань внимания и благодарной памяти Зинаида Ивановна отдает и тем людям, которые не оставили заметного следа в искусстве, но были близки ей по духовным интересам. В книге ярко выразилась личность автора – беспокойная, ищущая, обладающая высокими духовными запросами.

© Е.Л.Тарунин, 1999

21.05.1913 – 6.06.1999

ОБ АВТОРЕ ЭТОЙ КНИГИ (МОЕЙ МАМЕ)

– Ну, вот – не успел придти и уже уходишь.

– Некогда, мама. Завтра много дел и к лекциям надо подготовиться.

Таким был обычно наш диалог при прощании в последние годы ее жизни. Именно в эти годы ей, привыкшей быть всегда среди людей, не хватало общения. Она уже редко выходила на улицу. У нее болели глаза, она не смотрела телевизор, реже рисовала или писала и основным ее «собеседником» было радио. Чтобы доставить ей радость, я напечатал часть ее воспоминаний. В напечатанном виде они ей понравились. Но, к сожалению, в июне 1999 г. она ушла из жизни, не дождавшись окончательного варианта. Я решил дополнить ее воспоминания своим предисловием, в котором хочу кратко рассказать о ней. Замечу, что оно почти целиком написано на основе ее записей, поэтому дает представление не только о моей маме, но и о ее поколении, которое пережило советскую власть и, хотя немало от нее пострадало, было недовольно последующими переменами.

В 1929 г. после окончания школы второй ступени (ускоренная программа по Дальтон плану) в г.Шадринске, мама (Зинаида Ивановна Орлова) была направлена на работу в опорную (кустовую, образцовую) школу села Кривское. Ей было тогда 16 лет. Некоторые ученики 3-го класса были старше ее. Она пишет в своих воспоминаниях: «Было не до смеха ни нам – молодым учителям, ни мудрому опытному директору школы Садовникову Николаю Артемьевичу». Школа была кузницей педагогических кадров. Ее организатором была чета Садовниковых. Садовников закончил духовную семинарию и до революции был священником. После революции он снял с себя сан священника, а свой прекрасный дом, усадьбу, показательный сад отдал под школу. Вместе с женой, которая закончила Мариинскую гимназию, он стал во главе образцовой школы.

Позднее мама пишет: «Я не в силах передать всю щедрость этих двух замечательных сподвижников просвещения... После нашего приезда в школу началась коллективизация с ее потоками горя, зла и ненависти. В этой круговерти легко и просто было погибнуть, но нас, молодых учителей, спасала мудрость Н.А.Садовникова. Ненависть касалась и учителей. Ведь это они писали лозунги

о ликвидации кулачества, переписывали в сельсовете отобранное добро, а утром, не сомкнув глаз, шли на уроки к тем, кто еще остался на селе. Молодых учителей переселили в дом торговца пушниной Важенина, который заблаговременно бежал за границу. Не раз нам подкладывали записки – «Учительки, убирайтесь из дома. Мы его спалим». Нас чудом не растерзали. Возможно, сыграла свою роль любовь учеников. И только мы уехали на летний отдых к родным – дом был спален и в пламени сгорели вещи, дневники, письма, стихи, методические разработки... Вот так закончилось мое приобщение к педагогической работе. В том же году (без документов и вещей) я распрощалась с прекрасными Николаем Артемьевичем и Марией Николаевной. Отблеск их пламени и любви к педагогической работе я пронесла через всю жизнь. Позднее я узнала, что в 1937 г. Садовников Н.А. был арестован и пробыл в тюрьме 10 лет.»

После работы в селе Кривское мама была направлена на заведывание Гилевской школой. Вот содержание официальной справки о ее работе.

«Дана настоящая Орловой З.И., что она действительно работала на должности (директора) заведующей двухкомплектной Гилевской школой (1931-32). В течение этого времени т.Орлова активно участвовала в культурно-просветительной жизни деревни Гилева. При ее участии и организации работала группа делегатов, драмкружок, организован пионеротряд, вела работу со всей молодежью. Была одним из организаторов при выпуске стенгазеты, которая выпускалась ежемесячно. От делегатского актива, как ударница, была неоднократно премирована. Точно также т.Орлова участвовала во всех компаниях, проводимых Советской властью и партией. Все возложенные на нее нагрузки т.Орлова выполняла, что и удостоверяется.

Председатель с/совета Уфимцев
(печать с/с Белеславского р-на, Черноусовского с/с)»

А вот комментарий мамы к этому периоду работы. «Это была жизнь! Хватало энергии на все дела... И только теперь понимаешь, каким огромным счастьем была эта кипучая жизнь... Я нужна была... и старикам и детям. Все село низко мне кланялось. И кто знает, чем бы кончилась эта жизнь, останься я там. Но меня как «ударницу» послали на курсы повышения, чтобы работать в Ф.З.С. в старших классах. Расставание было горьким. Плакали все – «Зачем у нас отбирают заведующую?» Но жизнь в эти годы требовала новые кадры... и

началась жизнь ученицы Таруниной в школе Ф.З.С. г.Тавды, где в 1932 г. я вышла замуж за Тарунина Леонида Ивановича... А деревня Гилева часто снилась мне как сказка из детства. Люди из деревни часто писали мне. К сожалению, при переезде потерялись письма моих учеников с фронта. Никто из них не вернулся живым.»

Друзья мамы отразили позднее в стихах этот период ее работы на селе.

Вы были молоды, учили в сельской школе,

В колхозе жизнь учились познавать...

С учениками жать ходили в поле,

Снопки вязать и сено убирать.

Охотно и учились, и учили,

И другом мудрым многим были.

В 1934 мама с мужем и дочкой Олей переехала в Пермь и поступила в педагогический институт на литературное отделение. После его окончания в 1938 г. она 7 лет работала преподавателем русского языка и литературы в школе № 11¹, которая теперь носит имя С.П.Дягилева. В год, когда школа (сейчас Муниципальная гимназия) отмечала 100-й юбилей, ею была сделана запись о ветеранах школы – М.А.Димитриевской, А.В.Рябухиной, Е.И.Веселицкой, О.И.Тресковой, С.П.Матвеевой, В.Н.Верхоланцеве. Маму радовало, что в гимназии свято относятся к прошлому. Особенно она поражалась энергии директора гимназии – Раисы Дмитриевны Зобычевой, приветливости заведующей Дягилевской гостиной Татьяны Андреевны и любви О.П.Калугиной к искусству и истории края. В газете, посвященной юбилею, есть заметка и о маме с фотографией и хвалебными отзывами о ее акварелях, на которых она изобразила «чудные уголки Пермского Предуралья».

По состоянию здоровья мама ушла из школы в 1946 г., полгода проработала в университете ст.лаборантом кафедры истории западной литературы, а затем два года работала преподавателем литературы в 10 классах школы № 31. Вновь по состоянию здоровья (справка ВТЭК) в 1948 г. она ушла из школы и стала читать лекции в городском лекционном бюро. За отличные показатели в учебно-производственной работе ей неоднократно объявлялась благодарность с записью в трудовой книжке и выдачей денежной премии.

¹ В 1940/41 учебном году она работала в железнодорожной школе № 4.

В лекторском бюро Зинаида Ивановна проработала 13 лет. В посвящении от друзей этот период ее жизни был упомянут так:

Чтоб людям больше радости дарить!

Решили лектором Вы быть.

Справедливости ради следует сказать, что одной из причин ее перехода на лекторскую работу – нездоровье. Кроме того, прельстила возможность больше заработать. Она мечтала, накопив деньги, съездить, например, за границу. Всем известно, что стало с этими сбережениями, и за границей ей побывать не удалось.

Не мне судить, как она читала лекции. Знаю только, что отзывы всегда были хвалебными. Помню, как она готовилась к ним на заключительном этапе. Она вставала перед зеркалом и с большим вдохновением читала лекцию вслух, редко подглядывая в текст. Лекторская работа дала ей возможность познакомиться со многими интересными людьми не только нашей области. Она не была членом партии, что для членов лекторского бюро было редкостью. Темы ее лекций были связаны с литературой и далеки от политики. Ей как-то ловко удавалось уйти от провокационных вопросов типа – «А почему вы не процитировали отношение классиков марксизма-ленинизма к творчеству писателя?»

С 1961 по 1968 г. мама работала учителем русского языка и литературы в школе рабочей молодежи № 7, а после этого вышла на пенсию. В послании Совета ветеранов этот период ее жизни описан так:

И в жизни каждого такое наступает,

Когда по возрасту на пенсию идут.

Одни спокойно дома отдыхают,

Другие на плечах нагрузок клад несут –

Общественных и дел, и поручений...

Была словесником ты в школе много лет

И сына с дочкой воспитала.

Уйдя на отдых, сразу же пришла в Совет

И уважение великое снискала.

Действительно, после выхода на пенсию она вела активный образ жизни, была организатором различных кружков, выставок, экскурсий, встреч с интересными людьми. В день юбилея друзья написали ей стихи:

Ваша бодрость нам служит примером.

Юность Ваша видна в сединах.

Вы всегда и во всем пионеры,

Все мы знаем о Ваших делах.

Да, проходят и время, и годы,

И всему наступает свой час.

И теперь с юбилейною датой

Поздравляем, любимая, Вас.

В дневниках мамы много раздумий о педагогике и роли учителя. Главная задача учителя – «сеятеля добра, знаний...», по ее мнению, – открыть человека и помочь ему осознать свои способности. Развивая эту мысль, она писала: «Учитель, прежде всего, следопыт и исследователь человеческих характеров. У медиков есть заповедь: «Не навреди!» Для учителя она тоже должна стать законом. Не унижайте ребенка плохими оценками, отрицательными кличками (шалопай, лентяй, бестолочь). Эти клички не дают стимула к знаниям. Помните – от ласковых слов теплеет сердце. Надо приподнимать человека, чтобы разбудить в нем горячее желание стать лучше... Учитель, придя в школу к детям, выбрав эту трудную работу, должен использовать все возможности, чтобы завоевать их любовь... В этом и трудность работы, требующей непрерывного творчества... Учителю надо быть добрым волшебником, который несет детям свет доброты и «волшебный клубочек знаний». Милые учителя, не бойтесь играть в этих волшебников, если вы избрали профессию учителя... Не рисуйтесь перед учениками. Только искренность вызывает доверие. Лучше быть на равных, особенно в старших классах. Они не терпят опеки, снисхождения. В ваших отношениях должна быть трепещущая заинтересованность – помочь им. Вы должны быть неисчерпаемо интересны для них... И чем разнообразнее будут уроки, чем больше в них будет «игры», «выдумки», тем легче ученикам усвоить Ваш предмет... Открывайте для них мир прекрасного, приобщайте их к жизни духовных радостей... Не жалейте время на совместные походы в театр, выставки. Участвуйте в организации музыкальных и литературных вечеров, различных конкурсов и дискуссий...

Если вы классный руководитель, выберите один день в неделю для знакомства с прославленным композитором, художником, ученым, поэтом и рас-

скажите о его жизни. Пусть он «придет» к ним в гости. И не обязательно этот материал готовить самому учителю. Ученики могут сделать это сами, если помочь им в подборе книг... Прививайте вкус к мемуарной литературе...

Преступно, когда уроки литературы превращаются в безликие обзорные лекции. Из них ученики выносят лишь ярлыки типа «великий Толстой, великий Чехов, великий Некрасов» и все... Редко мы прибегаем на уроках к стихам. А надо на каждом уроке прикоснуться к роднику прекрасного – поэзии. Я называла это «пятиминуткой поэзии». Сначала подобное начинание встречают без энтузиазма – «Вот еще забота – ищи волнующие стихи». Но потом это всем приносит огромную радость открытий...

Словом, путей завоевания детского доверия и любви много. Они неисчерпаемы, границ нет, возможностей много. Только во все приходится вносить свое горение и богатство творческого мышления. А равнодушным и не творческим людям лучше не быть учителем!...»

Коснулась мама в своих записях и отрицательных сторон школьной жизни (отчеты, авралы, показуха, процентомания, «новые веяния» и т.д.).

Была ли моя мама хорошим педагогом? Были ли у нее ошибки? Сама она говорит об этом так: «Ошибок, конечно, допускала множество. И в силу требований и предписаний свыше, и по неопытности. Но все-таки никогда не превращалась в формалиста. Планы писала больше для начальства, а не для себя.»

Хочется привести строки из стихов ее учеников. В 1989 г. бывшая ученица мамы Таня Лучникова (Комкова) отдыхала вместе с ней в доме отдыха и посвятила ей стихи:

Ваш образ жил и будет жить со мною
Не только в радости и в трудные часы.
Я вспоминаю Красный Яр и поле
И высоту Вашей души!

А вот стихи из писем других учеников:

Мы в вечном долгу перед Вами
И столько хотелось сегодня сказать.
Но трудно, так трудно простыми словами
Все чувства свои передать!

В записях мамы много аналогичных строк, и по ее словам, «воздух признания», несомненно, продлил ей жизнь. Особенно мама была благодарна своей ученице Инне Смирновой, которая проявляла к ней теплое внимание в течение всей ее жизни.

Много приятных воспоминаний мамы связано с деятельностью кружка «В мире прекрасного». Встречи кружковцев происходили в доме Николая Александровича Спешилова, с которым мама связала последние годы жизни (отец, Л.И.Тарунин, умер в 1977 г.).

Вот как описывают участники кружка их встречи:

Если едешь прямо вдоль по Моховой,
Попадешь за Камой в домик небольшой...
Домик в пять окошек около плетня.
Привела дорожка в этот дом меня.
Здесь живут поэты дружною семьей.
Души их согреты доброй теплотой.
И с огромным чувством рады здесь гостям.
Кто влюблен в искусство – побывайте там!

(Титивкин)

«Розы среди зимы»

В вашем домике особая улада,
Книги и картины на стене.
Все собравшиеся рады
Миру этому и тишине.
Прелесть несказанная в общении.
Пусть не гаснет Пушкинский кружок,
Где звучат его стихотворения,
Где в почете Тютчев, Блок...
Наша жизнь полна поэзии и прозы,
Но сегодня в комнате у вас
Было так светло, что розы
Расцвели в душе у каждого из нас.

(В.Молодцов)

Когда дом на Моховой был снесен, кружок распался. Умерли многие ветераны кружка (В.В.Молодцов, Н.А.Спешилов, мама и другие), но сохранились воспоминания об этих встречах молодых участников, которых, к сожалению, было немного.

Мама любила поэзию, знала много стихов, могла по памяти прочесть многие из них даже в последний год жизни, но сама их не писала. Как сказал Н.Доризо: «Поэт не тот, кто пишет сам, а тот, кто сердцем чувствует поэзию». В.В.Молодцов, который начал сочинять стихи в пожилом возрасте, писал ей: «...Припомните весь наш разговор о поэзии и Ваши требования... Знаю – у Вас тонкое понимание поэзии и за многое Вам благодарен!! Критикуя (о, это Вы умеете делать), Вы и дарите мысль. Спасибо Вам. И прежде всего на Ваш суд мое размышление – «Тоска по хорошим стихам»:

Очень трудно написать хорошие стихи,

Чтобы в них душа, как скрипка, пела,

Чтобы мысль как молния блестела,

Чтобы заря вечерняя алела,

Чтоб трава чуть слышно шелестела.

Очень трудно написать хорошие стихи,

Чтобы в них все пело, ликовало,

Чтобы свежестью весеннею дышало,

Чтобы волновало, окрыляло,

Чтоб над пошлостью людскою возвышалось.

Очень трудно написать хорошие стихи,

Чтобы жизнь в них трепетала и жила,

Чтобы в них поэзия была!

Заканчивая воспоминания о маме, я привожу выдержки из ее последних записей.

«– Эй, счастье, куда ты идешь?

– Туда, где дружба!

(С.Стальский)

Я была счастлива тем, что у меня было много хороших друзей. Сколько лет трогательной дружбы со многими из них. Вот далеко не полный их перечень: С.П.Матвеева, Л.С.Римская, А.Хачатурян, И.И.Кибрик, А.Скрипник,

И.Парфенова, Р.Бородулина, Л.Кусакина, В.Панова, В.Н.Снегова, Б.А. Стерн, М.А.Димитриевская, В.Радкевич, семьи Смирновых, Трутневых, Грифов, сестры Васнецовы, Б.Ширшов, Т.В.Соболева, В.В.Молодцов и многие другие. Смолкли голоса многих из них. Но каждый оставил память о себе щедростью сердечных отношений... Спасибо Вам за тот свет, что Вы дарили мне!

Спасибо и моим детям, внукам и правнукам!»

Заслуженный деятель РФ,

Д-р физ.-мат.наук, профессор

Е.Л.Тарунин

ВСЕ, ЧТО БЫЛО СО МНОЙ...

Все, что было со мной –
Позабыв, принимаю на веру,
Смутно высится в памяти
Контур прошедшего дня...
Каждый пройденный шаг
Распыляется в ту атмосферу
Что, свиваясь кольцом
Начинает тревожить меня.
Если б вместе смешать
Все мечты, и дороги, и дали,
И осознанный
Каждый момент бытия, –
Закрутился бы столб
Ураганно мерцающей пыли
И такая, как есть
Из него получилась бы Я.

Чьи это стихи? Не помню! Но в них выражена суть моего мировосприятия – в беспредельной непознаваемости. Мне часто хочется восстановить в памяти какой-то момент из пережитого, рассказать о человеке, которого я знала, но время – что оно делает? Оно стирает все краски, глушит звуки – и останавливаешься, растерянный, перед вопросом: почему ты не рассказала об этом человеке? Почему? Ушли люди в небытие с их огромным, интересным миром, с их творческими полетами, с их беспредельностью и широтой. Как бы не клеймили, не разоблачали пережитое в круговерти «демократии» – я все-таки с гордостью могу заявить, что мы жили в годы, полные энтузиазма и поисков, в годы творческого кипения. Могли мы представить себе равнодушие, опустошение такого человека как И.И.Келлер? Из-под его пера выходили романы, повести. А сколько этот человек подарил окружающим остроумия, ярких стихов? Сколько создано им либретто опер и оперетт? Последние годы, работая главным образом режиссером Пермского оперного театра, он внес огромный вклад

в театральную жизнь. Разве не ему принадлежит заслуга постановки оперы А.Степанова «Иван Болотников»? А не он ли с первых слов в своих лекциях об искусстве покорял, удивлял, ошеломлял, восхищал и очаровывал слушателей. Люди совершенно забывали, что перед ними маленький, нескладный человек, а некоторые, не зная его, даже могли пренебрежительно бросить: «Это тот, что похож на шимпанзе». Но как красив, как обаятелен был этот человек, он обладал редким интеллектом, неумностью и творческим горением. Он был творцом во всем и всегда: и в творческой работе достигал великих вершин. Его можно было, не уставая, слушать часами – никогда не иссякали родники его знаний! За ним надо было ходить с тетрадкой и записывать его афоризмы. Собрать бы все богатство его мыслей, высказываний... Разве не было для меня счастьем общение с таким человеком? А Манский? А Братышев? А Свительская? А Ульянов? А Цветаев? Да, разве перечислишь всех, кто был гордостью и славой нашего города?! А почему бы не рассказать о Вере Пановой? О Евгении Федоровне Трутневой, о Людмиле Сергеевне Римской – вспомнишь их, этих личностей – и зажигаются-зажигаются звезды на небосклоне твоего бытия. И как тепло мне становится от воспоминаний о них, какой радостью наполняется сердце! Я слышу их голоса, вижу их улыбки, и крутится столб, ураганно мерцающий. Я жива и помню о них!

НИКОЛАЙ АРТЕМЬЕВИЧ САДОВНИКОВ

Какими словами рассказать мне об этом человеке? Где их взять, чтоб выразить все его величие и значение для моей жизни, так как ему я обязана всем, что было во мне лучшего? Николай Артемьевич Садовников – учитель учителей, их наставник. Это новый Ушинский – мудрец в педагогике. Мне было шестнадцать лет, когда после окончания ускоренной девятилетки, я приехала работать в показательную или, как она называлась, опорную школу Николая Артемьевича. Слава о нем, как об учителе гремела на всю область. Это был мудрец, философ, психолог, артист в своем мастерстве, наставник учительских кадров, опытный агроном, строитель и архитектор. Он все умел и никакое дело его не пугало. Бывший священник, он отдал свой дом под школу, а сад и ого-

род сделал опытными для всех, кто занимался садоводством или огородничеством. Когда я в первый раз появилась перед ним со своим чемоданчиком, в котором «величайшей ценностью» были поурочные разработки по Дальтон плану, и, вынув их, показала ему, он серьезно спросил, что заставило меня выбрать профессию учителя, одну из самых тяжелых. Он сказал: «Если случайность, какие-то непредвиденные обстоятельства, то я не постесняюсь Вам сказать: «Забирайте Ваш чемоданчик и возвращайтесь обратно в город. Если у Вас нет призвания быть учителем, то никакие Вам Дальтон планы не помогут. Если сегодня Ваш рабочий день – ни усталость, ни горе не дают Вам права работать плохо, без души. Все должно быть освещено любовью. К детям нельзя приходить с холодным сердцем, равнодушным человеком!» Это было сказано мягко, но так значительно, что я поняла: в этой школе с моими познаниями мне, пожалуй, делать нечего. Он продолжал: «Вы кончили, как заявили, ускоренную девятилетку, и я не хочу Вас обидеть, но скажу, что, ничего Вы, девочка, не кончили. Этот знаменитый Дальтон план, по которому сейчас учат в школах, никаких знаний не дает! Не так? Вы в этом сами убедитесь, когда приступите к работе... Да, да! – это мне уже пришлось наблюдать... Мне очень бывает горько и больно, когда у меня забирают учителей, как только они начнут понимать, что такое учитель. Настоящий учитель не только учит, но каждый день сам учится. Мне сорок два года, но я продолжаю учиться, вот Мария Николаевна (его жена) в школе уже работает более двадцати лет, и учится, и до конца должна учиться! – таковы требования к настоящему учителю». Первая беседа была серьезной, как бы предупреждением – легкой жизни не жди. У Николая Артемьевича в селе Кривское я проработала два года и благодарна была судьбе за это. Сколько же мне дал этот мудрый учитель! Не случайно его школу называли кузницей кадров! Только после работы в ней я смогла стать заведующей одной из школ. Как никто другой, он умел подсказать, пробудить мысль. Николай Артемьевич учил, как выходить из самого трудного столкновения с учеником, так чтобы не стать врагами, а стать друзьями, понять друг друга. А какие давал советы по проведению урока! Он, действительно, был настоящим артистом и с таким юмором давал эти указания, что все оживало, зацветало от такой подсказки. Сам он закончил духовную семинарию, но какие у него были знания! Он и внешне был интересным: красивый мужчина с восточным лицом, ка-

рими глазами, всегда вызывал у людей особую симпатию к себе. Ученики были буквально в него влюблены, а у родителей и всех окружающих он пользовался особым уважением. В городе у него учились две дочки и, приезжая на каникулы, они не отходили от своего папочки. С детьми он любил играть, заражал их и задором, и энергией, и выдумкой! Больше всего меня удивляли его отношения с женой. Такой любящей, преданной друг другу пары не встречала. Но Н.А. умел ухаживать красиво и трогательно и за другими женщинами. Как любили учителя приезжать к нему в школу на кустовые заседания. Он обладал какой-то искрометной силой убеждения и готовил очень интересный материал для уроков, чтобы порадовать молодых, еще неопытных, учителей. В жаркие дни коллективизации учащиеся оберегали Н.А. Шли повседневные убийства тех, кто принимал участие в организации новой жизни – колхозов! А он, как директор школы, не мог оставаться в стороне. Любовь к нему и уважение помогли выйти неопаленным из этого бедствия и спасти свою школу. Но не миновала его беда, в 1937 г. он был арестован. Неудивительно, так как это были годы уничтожения цвета нации и лагеря были переполнены лучшими из лучших. Мария Николаевна потом сообщила, что он после десяти лет заключения вернулся, еще работал, но часто болел. Я на протяжении всей своей долгой жизни чувствовала себя виноватой перед этим удивительным человеком, в том, что не рассказала о великом мастере своего дела, об Учителе учителей, чтоб светилося имя его в веках!

ОЛИМПИАДА МАКСИМОВНА ВАРФОЛОМЕЕВА – ОСНОВОПОЛОЖНИЦА ДОШКОЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ Г. ПЕРМИ (1845 Г. РОЖДЕНИЯ)

Вспоминая необычные встречи, со своими современниками, как не рассказать об этой изумительной женщине, которая прожила почти целое столетие. Приходится только горько сожалеть, что она два года не дожила до своего юбилея. Почти до самой смерти Олимпиада Максимовна буквально кипела на работе, организуя выставки, выступая с докладами по дошкольному воспитанию, подготавливая к изданию книгу о проблемах педагогики. В момент рабо-

ты над ней, мы часто встречались в обществе «Знание». Ей было тогда уже почти 96 лет. Энергичная, живая, остроумная, она всегда воздействовала на меня, как родниковая целебная вода, улучшая настроение и пробуждая желание к творчеству.

Валерьян Александрович Кобяк часто говорил: «Вот у кого надо учиться жить!» Да, у нее было чему поучиться. Познакомилась я с Олимпиадой Максимовной еще у Марии Александровны Дмитриевской, когда ей было около восьмидесяти. Поражали бодрый голос, добрая улыбка, но главное – глаза, они, как буравчики, отливали особой темнотой на сморщенном маленьком личике. Звучным голосом она обращалась к В.А.: «К Вам у меня просьба – не отпечатают ли на машинке еще несколько брошюр, хотя бы для заведующих детсада, а то ко мне приходят и приходят люди, а я уже все свои экземпляры раздала!» Затем, изложив свою просьбу, эта удивительная женщина продолжала горячо рассказывать о новой выставке детских работ, восхищаясь талантливостью детей. «Просто меня всегда удивляет богатство и неумность детской фантазии. Какое огромное значение имеют эти выставки для детей! Можно только радоваться, как богат душевный мир ребенка и нельзя к этому относиться равнодушно!» – говорила она, часто сетуя на некоторых родителей, которые остаются равнодушными к творчеству своих детей.

Валерьян Александрович, бывало, вставит в этот поток красноречия и энтузиазма: «Приходится только удивляться, Олимпиада Максимовна, Вашей энергии!» «Но вы-то, надеюсь, понимаете, как это необходимо! – отвечала она. – Важно, очень важно пробудить мысль ребенка. Призвать его к творчеству, к восприятию прекрасного! Мы слишком равнодушны, инертны, а разве можно так жить?! Мы же ответственны за будущее человека. Он должен быть не только умен, но и всесторонне развит. Все прекрасное ему не должно быть чуждо.» – убеждала она всех.

Иногда я, восхищаясь ее мыслями, робко спрашивала: «Не устаете вы с этими выставками, выступлениями?» Она горячо возражала: «Как бы я могла жить без этого? Я же живой человек! Здорова! Почему не помочь людям? Не сделать доброе дело?! И потом, это какой-то эгоизм жить только для себя. Да ко всем моим нагрузкам прибавьте еще заботу о моих взрослых сыновьях! Когда из Москвы приезжает моя дочка, она всегда поражается: «Мама, как ты не

устаешь с ними? Трое мужчин – это даже для меня нагрузка!» Кстати, дочь у меня профессор. Это она помогла мне издать брошюру. Здесь у нас разве мало чиновников, которые умеют думать только о себе и своем благополучии. Я никогда не жила так и не терплю таких людей! Просто не терплю! И всегда пыталась принимать в садики воспитателей, которые любят детей и являются творческими личностями – об этом я и пишу в книге. Дети дошкольного возраста – самые восприимчивые!» Олимпиада Максимовна могла говорить о педагогике дошкольного воспитания бесконечно. Кладезь выдумки, мудрости, фантазии! Такова была эта маленькая энергичная женщина – неутомимый организатор, щедрый на доброту, на любовь к людям, к детям! Жители нашего города должны помнить имя Олимпиады Максимовны Варфоломеевой, жизнь которой – урок нравственности и доброты!

ПАМЯТИ ИВАНА МИХАЙЛОВИЧА ЗАХАРОВА – ПРОФЕССОРА ПЕРМСКОГО ПЕДИНСТИТУТА

Возвращаясь к прошлому, я вспоминаю интересных людей, чьи имена не должны забыться. Таково имя Ивана Михайловича Захарова – педагога, методиста, ученого! В пединститут я поступила в 1934 г., но имя Ивана Михайловича мне было уже хорошо знакомо. По его учебникам русского языка и методичкам в те годы работали все школы. Моя мать, приезжая с курсов усовершенствования, с особым чувством относилась к этому ученому. Она могла часами рассказывать о его манере вести открытые уроки и ставить новые задачи в преподавании языка. Имея огромные познания, он пробуждал в учителях особый интерес к родному языку и его богатствам. Он учил быть учителем-творцом, художником, мыслителем. Поэтому, поступив в пединститут, я уже много знала о профессоре. И он, действительно, покориł меня своими лекциями – это было великое мастерство владения словом! Он умел увлечь, пробудить интерес к предмету. Элегантный, красивый, в строгом отутуженном костюме – черном, коричневом или сером, в белоснежной накрахмаленной рубашке, с красивым галстуком, он всегда очаровывал своим внешним видом. Невольно возникала мысль: «Сколько вкуса! Как он красив этот седовласый профессор с

яркими карими глазами. Всегда казалось, что они светятся изнутри тысячами огоньков. В институт я пришла уже после пяти лет работы в школе. Казалось, и знания были, и какой-то опыт. Но как это было ничтожно по сравнению с опытом и знаниями профессора. Каждая лекция открывала новые глубины знаний. Сколько он знал стихов и как интересно умел о них сказать что-то особенное, колдовское, зажигательное! Профессор любил наш курс и радовался, что в те годы в вуз поступали люди, жаждущие учиться. У него была постоянная приписка: «Пролетарское происхождение не учитывается, нужны знания – и надо учиться!» Не терпел говорунов и тех, кто цветистым пустословием прикрывал свои незнания, иронически их высмеивал! Надо сказать, что мы не только благоговели перед профессором, но и побаивались его иронии, острым словом он мог уничтожить. А мы чувствовали себя недорослями в познании глубин нашего родного языка. С каким нетерпением студенты ждали его лекций, его оживленных бесед! Он умел вести их с блеском, задавая все новые и новые вопросы. В институте равным Захарову по интеллекту мог считаться только профессор Стеблев, читавший курс о греческой и римской литературе. Для нас они были Боги, в которых мы верили и перед которыми преклонялись.

И вдруг, нет даже не «вдруг», в институте в 1937 г. произошли ошеломляющие события. Один за другим исчезали лучшие профессора. Уводили ночью, тайно, до ужаса всем становилось страшно за их судьбы. Некоторых расстреливали без суда и следствия (очень трагичной и загадочной была судьба Стеблева и Любомудрова). В институте оставались Тупицыны. Это не только обобщающее слово, был такой преподаватель по фамилии Тупицын. Ох, и скучища была на его лекциях, но пришли в институт – извольте учиться и терпеть этих Тупицыных, Ожеговых, Горбуновых. Несомненно, всех волновала судьба Стеблева, Захарова, Любомудрова, но в ответ на наши жгучие вопросы заведующий кафедрой Евгений Александрович Боголюбов отмалчивался или загадочно предупреждал, что лучше их не задавать. Позднее стали исчезать и студенты. Так, осталась неизвестной судьба очень талантливой, одаренной студентки Жени Гейдукис, в совершенстве владевшей французским, английским, немецким языками. Думали, что послали на фронт переводчицей. Позднее узнали, что профессор Иван Михайлович осужден (за что?) и выслан куда-то на север, работает на лесозаготовках. Никакое воображение не могло представить

этого человека в роли осужденного. Вспоминались его белоснежные накрахмаленные рубашки, удивительные запонки, галстуки, его особая подвижность и элегантность во всем. И вдруг Иван Михайлович в лаптях, в телогрейке! Немыслимо! Но это так и было! Оборванный, полураздетый, в каком-то засаленном пиджачке, в отопках – таким его увидела Валя Юрковская на вокзале в Свердловске, когда арестованных отправляли в другой лагерь. Мне хотелось сохранить для будущих поколений ее полное ужаса письмо, чтобы знали, что пережили такие интеллигентные люди, как профессор Захаров! С какой жесткостью унижали их достоинство, подавляли интеллект! Валя Юрковская – учительница. Она была ученицей Ивана Михайловича и в то время после окончания пединститута работала в Свердловске. «Да пустите же вы меня?! – в отчаянии кричала она тем, кто охранял арестованных. – Это же наш любимый профессор! Что вы делаете?» И только по телефону вызвав своего мужа (он был военным), она могла сказать несколько слов Ивану Михайловичу. Добилась разрешения, чтобы ему позволили тут же сменить лапти на валенки, затасканную ободранную курточку – на телогрейку. Он ей таинственно сообщил, что все это отберут «свои же». А когда вручила полбуханки хлеба, что составляло особую ценность во время войны, И.М. разрыдался как ребенок. Куда увозили арестованных, она так и не узнала. Об этой трогательной встрече я узнала не только из письма Вали, но позднее и от жены И.М., получившей от него письмо, когда ему было дано право переписки с родными. Это письмо нельзя было читать без слез. Последнее время, пережив все пытки этой тяжелой, отчаянной и страшной жизни, Иван Михайлович часто излагал свои горести в письме к жене в стихах. Цензура их не вычеркивала, так можно было открыто рассказать о пережитом. Каково выдержать десять лет этой трудной мучительной жизни, когда ежедневно растаптывалось, подавлялось все человеческое? Вернулся Иван Михайлович. Но был ли он прежним? Остались одни глаза! Поэт Поликарпов рассказал, какими возвращались даже самые стойкие:

Самодельный сундучок «скиталец»,
Волосы, как редкий белый дым, –
Реабилитированный старец
С нетерпимым взглядом молодым.

Да, одни глаза на живом скелете, тихий, с хрипотцой голос. Учебники с именем Захарова, как и методические разработки и руководства для учителей были уничтожены. Возвращено ли было звание профессора – я не знаю, но он еще несколько лет работал в университете. Студенты, а это уже было новое поколение, относились к нему с большим уважением. Привычка быть всегда элегантным в нем, видимо, осталась, как и те огромные знания, которыми он владел до ареста. Вопрос о том, за что он получил десять лет каторжной жизни, так и остался без ответа. Годы лагерной жизни не озлобили его, а сделали мудрым, немного сентиментальным, чувствительным. Сохранил профессор и память о многих студентах, называя их по фамилиям. Очень сожалел, что рано умер Алеша Волдаев, что ушла из жизни наша степенная, заботливая «мамочка» – староста курса Зана Ширшова. Почему-то часто вспоминал Вишнякова: «Далеко пошел кудрявый ваш «Амур» – и не так был прост, как вы его воспринимали». Оказалось, что он был «ушами и глазами» курса. А его меньше всего остерегались в те суровые годы (1937–1938). Он, видимо, сыграл немалую роль и в незавидной судьбе профессоров Захарова, Стеблева и других. Рассказывал И.М. не только о встрече с Валей Юрковской, но и с Ниной Савиной. Эти встречи возвратили ему уверенность и желание во что бы то ни стало выжить, выстоять и снова заняться преподавательской деятельностью. Так и случилось, но все-таки многое было в этом энергичном, мудром, интересном ученом убито. Ничто не могло возродить прежнюю энергию, искрометный юмор, уверенность в своих неограниченных познаниях. Он хотел издать новый учебник, понимая, как много изменилось и в русском языке, но не нашел в себе сил. Не собрался издать и свои очень талантливые стихи – так они и потонули в семейных архивах. Сколько еще мог бы сделать этот большой ученый, если бы не сломили его лагерная жизнь, годы заключения!

Если б можно было кровь омолодить,

Землю от чумного лихолетья

Снова, коль случится, оградить!

Да, да – такое лихолетье для человечества так же пагубно, как война. Умер Иван Михайлович «на посту», то есть, еще работая.

Провожая его в последний путь, многие студенты рыдали. Пришли проводить профессора и старые учителя. А мне казалось, что вместе с профессо-

ром мы прощались и с нашей юностью, с чем-то уж очень дорогим, что никогда не повторится. И хочется, крикнуть: «За что погубили такого талантливого ученого, отдавшего все силы изучению русского языка?»

Пусть живет память об этом ученом!

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ РЕСЦОВ

Человек трагической судьбы. Если Ивана Михайловича Захарова арестовали в 1937 г., то Ресцова – в 1928, объявив учащимся, что это «махровый троцкист». «Троцкист!» – позднее стало ясно, что это за люди и за что их называют троцкистами, но в те годы для нас это было страшное слово, обжигающее, как огонь. Но было живо и преклонение перед Троцким – личностью тех лет, равной Ленину. В 1929 г. я училась в девятилетке в г. Шадринске. Школа была новая, стояла на берегу Исети, и учителя были новые, работавшие по знаменитому модному тогда Дальтон плану (будь он проклят – этот Дальтон план!). Кто его придумал, он буквально обкорнал и без того слишком купые умишки! В чем заключалась его суть? По шесть человек мы сидели за столами и читали учебник, а учитель «пританцовывал» вокруг нас, то есть ходил между столами и смотрел работаем ли мы? Потом нужно было отвечать по прочитанному материалу и, обычно это делал тот, кто лучше знает – отметку ставили всем (глупость, которую даже не придумаешь!) Экзамены были отменены, проходило собеседование, – следующая очередная глупость! Каких только «перестроек» не переживала школа – одна забавнее другой, учителя все стерпят, все нововведения. А школу от этих перестроек лихорадило до потери разума. Так я училась по Дальтон плану, и преподавателем у нас был Сергей Сергеевич Ресцов, который вел русский язык и литературу! Внешне похожий на Троцкого – маленький, плотный, с живыми карими глазами, он обладал огромными знаниями и владел ораторским искусством. Мы же были слишком молоды, не воспитаны, дерзки и насмешливы, способны на любую проказу. С.С. рассуждал с нами о Пастернаке, Северяnine, Блоке – все равно, что шелкал пустые орехи. Словом, мы так далеки были от понимания литературы, что никакие высокие идеи нас не зажигали, а великие имена воспринимались, как какие-то Сидоро-

вы или Петровы. Беспутные наши головушки дальше своего носа ничего не видели – вот так у меня появилась басня о Ресцове:

Черный ворон подлетает
К гнездам глупых воронят.
И чего-то объясняет, что нельзя
его понять.
И по-разному толкуя,
Кружит головы птенцам
Кто похож на черна ворона,
Догадайся ну-ка сам.

Секрета не было. Все знали, что уже не одна эпиграмма была написана в адрес Сергея Сергеевича. Когда стали изучать Некрасова, в адрес учителя выплеснулась целая ироническая поэма.

Глупости в этой поэме было более, чем предостаточно. Мальчишки, наши остряки, взяли и подкинули поэму учителю. Кто автор этих глупых виршей? Спрашивать не надо. Сергей Сергеевич вызвал меня в учительскую для серьезного разговора. Девчонки сторали от любопытства, что он мне скажет? Я тоже ждала выговора, наказания, но оказалось, что за все годы учебы в школе не пережила я такого серьезного, интересного, душевного и трогательного разговора о поэзии. Поэзия – это святое дело! В те годы ошеломляла всякая святость, вызывала насмешки. Мы горланили во весь голос: «Мы – кузнецы и дух наш молод, куем мы счастья ключи!» Задорно распевали «Кирпичики», а тут идет разговор о каких-то больших поэтах, о святости поэзии, о глубинах мысли! Он прочитал несколько стихотворений – для меня они прозвучали откровением. Что-то было в них недоступное, но прекрасное. Я ушла от Сергея Сергеевича перерожденная. Это было необычное перерождение! Зашла к нему – одна, вышла – другая! Девочки уже с тревогой ждали меня, так долго шел разговор. Не задушил ли меня учитель? Мне не хотелось отвечать на их шутки, говорить о чем-то. Мне нужно было снова все пережить, остаться одной! «Ну, скажи, что он говорил?» Что он говорил? Разве об этом можно было рассказывать? Он говорил о чем-то высоком, значимом, необычном – это был полет, волшебная сказка! Когда я попыталась что-то сказать, меня называли «выдумщицей». На этом и кончился наш разговор, но честно – я была другая! Сергей

Сергеевич рассказал, что он – художник, любит рисовать, но поэзия в его жизни – главное! Он прочитал несколько своих стихотворений и посоветовал читать, читать и перечитывать Пушкина, обещая поработать со мной над словом и посоветовал не тратить время на пустяки. Я с нетерпением ждала следующей встречи, но, к великому моему огорчению, этого не произошло. Неожиданно для всех и особенно для меня, Сергей Сергеевич был арестован, как «троцкист». Работая, Сергей Сергеевич часто встречался (был ее верным спутником и обожателем) с Руфиной Ивановной Каноновой – учительницей истории. В том году она только окончила московский университет. Общество С.С. предпочитала всем своим поклонникам и даже из-за него, говорят, отказалась ехать работать в Москве. Эта дружба и даже, возможно, любовь всем казалась необычной. Такая красивая и вдруг полюбила какого-то «крокодила». Невысокого роста, широкоплечий, Сергей Сергеевич не производил особого впечатления своей внешностью. Но Р.И. жила своим счастьем. Такие люди, как Сергей Сергеевич Ресцов, – особенные. Ее часто предупреждали «доброжелатели», чтоб она не губила свою жизнь. Она недоумевала – почему? Такой умница, такой интересный человек! Связан с Троцким... а почему бы не быть знакомым с Троцким. Он дипломат, оратор, философ, эрудит. Я даже по своей наивности и глупости написала частушку, считая Троцкого и Чичерина славой и гордостью России:

Я в своей-то красоте
Очень уверена,
Если Троцкий не возьмет,
Выйду за Чичерина.

И вдруг имя Троцкого становится чем-то пугающим, а дружба с ним приносит только горе. Что случилось? Что за перемены? И почему нельзя ценить и уважать Троцкого, если он один из образованнейших людей нашего времени? Жизнь «подставляла» одну задачку за другой. И за что арестовали нашего учителя литературы?! В политике в те годы я ничего не смыслила, а поэтому постоянно задавала вопросы: «За что? Почему?!» – ответа не было. Шли годы, о Ресцове я никогда не забывала. И если в то время такие имена, как Бунин, Пастернак, Цветаева, Сологуб, Северянин, звучали для меня без всякого интереса, то в последние годы я узнала, что все эти имена открыл для меня Сергей Сер-

геевич Ресцов. Путь к большой поэзии проложил мне он – очень талантливый и непонятный учитель литературы. Никогда не забывала я и тот серьезный, содержательный разговор о поэзии. Какова была дальнейшая участь С.С. – не знаю, но убеждена – такие учителя, с такими глубинами знаний не так часто встречаются. Достаточно одной искры, чтоб зажглось пламя, пусть поздно, разве это так уж важно? До встречи с Ресцовым, необычным учителем, наш мир был таким узеньким, ничтожным. И не его вина, что этому возвышенному человеку пришлось работать по Дальтон плану. Не будь этого безумного опыта с Дальтон планами – сколько бы мы получили от живого слова такого учителя, и, наверное, так же, как Пушкин когда-то сказал о Куницыне, могли сказать и о Ресцове «Он создал нас, он воспитал наш пламень». Первые искры любви к поэзии – зажег в моей душе Сергей Сергеевич Ресцов. Да будет благословенно его имя!

АЛЕКСЕЙ ДОМНИН

Смеялся он и плакал до утра,
Душа его пернатая светилась.

А. Домнин «Соловей»

Особая тонкость и чувствительность в его характере были от того соловья, о котором он написал с таким проникновением. Его стихи, как песня соловья, рождались «из утрат и горя». Он так любил природу, что весь мир облекал «в ласковые звуки». У него не было громких стихов, вся его поэзия – нежная песнь тишине.

Скромный, вдумчивый, глубокий человек, одаренный по своей натуре, он и среди своих собратьев по перу всегда старался держаться в тени, быть незаметным. Для своих стихов «собирал слова, точно в ладанку». Благодаря его стихам любви в мире «не поубавилась» – она расцветала и стучала во все окна и двери. Он редко выступал со своими стихами на литературных вечерах, но часто любил бывать в молодежных общежитиях. Частым гостем он бывал и в общежитии железной дороги по ул. Энгельса. Там его всегда ждали молодые специалисты. Женщины после выступления дарили цветы и начинали с поэтом разговор о своих увлечениях, о любви. Ему многие рассказывали интимные

тайны и даже могли задать смущающий его вопрос – а как бы он поступил на их месте? Поэт иногда терялся, но был убежден, что «влюбленных видно за версту», и радовался, что у девушек не слепая душа, которая открыта навстречу хорошим чувствам. Для него всегда были «все помыслы чисты и все женщины прекрасны». С этим чувством он жил. Он был чуток и ко всем явлениям природы

Когда весну заполонят грачи,
Я, как береза, раскрываю ветки.

Он часто выезжал на природу, чтоб «пить» синеву неба, вдыхать смородиновый запах, отдохнуть у ромашковой речки, сочиняя новые стихи.

Листопад для него был временем зрелых переоценок, когда «ветви твои несут наливные плоды раздумий». Всегда хотелось вкусить этих зрелых плодов раздумий – соприкоснуться с поэзией Домнина. Негромкая, светлая, чистая, душевная, она окрыляла мысль. Поэт хорошо знал историю и на исторические темы у него написано много стихов. Много легенд, народных сказаний он переложил в поэтические напевы (уж я просто умалчиваю о прекрасном переводе «Слова о полку Игореве»). С каким интересом читаешь «Балладу о древнем мореходе» или древнерусское предание «Ярило»! Это музыка слов – гимн во славу солнца:

Но однажды возвратившись
Из глубин небес Ярило:
Кони – огненная тройка,
Гривы – пламени поток,
А подковы золотые
Искры в небе высекают, –
Где ударило копыто –
звезды россыпью зажглись.
Свет и жар пронзили небо.

Многие его древние сказания можно было исполнять напевно. Он и повествовал их так – тихим голосом. Гусли бы в руки этому молодому сказителю! Да, он был молод душой и сердцем, но мудр, как старец. Иногда удивляешься, из каких источников он черпал эту мудрость?

«Белый олень», «Сказание о Кудым-оше и Пере – охотнике», «Живая вода», «Молния на кочерге» – да разве можно перечислить все произведения этого прекрасного поэта? Он был разносторонней личностью и, несмотря на то, что был моложе меня почти на пятнадцать лет, я относилась к нему, как к старшему товарищу, с особым уважением и преклонением. Мы познакомились с ним в 1949 г., и я считаю счастьем своей жизни общение с ним и наши редкие встречи.

Умер Алексей Михайлович в 1982 г. Сжег себя на костре своего любимого дела – поэзии, которой он отдавал много сил и здоровья. Скромный, милый человек – мудрец и чародей из некой легенды, которую так и не сумел поведать миру. Так и хочется, с рыданием в голосе, сказать его же словами: «Пой, скворушка! Пой, зачем так рано ушел ты из жизни?» И выдал только «Полкило смеха» – не долбил, не досмеялся, не допел своих песен... «Матушка Русь» потеряла мудрого певца. Он посвятил К.Т.Паустовскому чудесное стихотворение «Руки». И хочется мне свои воспоминания об Алексее Михайловиче закончить строками из его стихотворения: «... в жизнь мою вливается молчанье – и бережная сила этого человека».

АЛИМ КЕШОКОВ

Алим Кешоков – человек необыкновенной судьбы и таланта. Это не только прославленный поэт, но и секретарь обкома, и заместитель председателя совета министров, и министр просвещения Кабардино-Балкарии! Однако самой высокой должностью Алим Кешоков считает должность – поэта. Он написал и издал больше пятидесяти книг.

Алим Кешоков утверждает, что поэт похож на воина. Он должен быть всегда в строю. Поэтому какие бы иные дела его не отвлекали, он всегда находил время писать стихи. Он утверждал, что поэт, написавший книгу стихов, сродни садовнику, который вырастил большой фруктовый сад. В хорошем саду есть плоды разные по вкусу, цвету, времени созревания – и хорошо, когда посетители сада находят в нем плоды по своему вкусу.

Очень многое волнует меня в поэзии Кешокова. Она по-философски мудра, интересна по разнообразию тем, привлекает своим остроумием, иронией, добротой и задушевностью. Он всегда с такой теплотой говорил о женщине. К одной из его поэм эпиграфом поставлены слова: «Боги обитают там, где чтут женщину».

Когда-то достигнув вершин вдохновения,
Бог женщину создал, и впадши в блаженство,
Сам с гордостью понял, что это творенье
Являет собою предел совершенства.

Всегда не прямы к ее сердцу дороги,
Растут вдоль дорог этих манго и хина
И там обитают все главные боги,
Где женщине рад поклоняться мужчина.

Это поклонение, это уважение к женщине, женщине-матери, любимой звучат во всех стихах Кешокова.

С какой признательностью он пишет о своей учительнице:

Учительницей белолицей
У черной аспидной доски
Мне были зажжены в станице
И слов и мыслей огоньки.
Пусть шел сперва я тропкой узкой,
За палец матери держась.
Открыт мне женщиною русской
Тот мир, где я живу, борясь.
За первым шагом – сотни в гору
И сердце тянет все сильней
К величественному простору
Еще не наступивших дней.

С Алимом Кешоковым я познакомилась на съезде работников культуры в Москве в мае 1963 г. Это был человек-легенда. Говорили, что до войны он работал директором научно-исследовательского института национальной культуры, прославился как известный песенник, поэт.

Солидный человек с ярко пылающими глазами, с серебристыми нитями в темных кудрявых волосах... Смуглое лицо, с темным румянцем на чуть выступающих скулах... Открытый выпуклый лоб... Казалось, что поэт недоступен и суров. Но он сразу обезоруживал своей сердечностью, простотой и подкупающей душевностью, своей увлеченностью и остроумием. С ним было легко, просто и весело! Наша дружба началась с первых дней съезда, началась с шутки. Он прочитал маленькое стихотворение такого содержания:

Мне мать сказала, чтоб разным учился ремеслам.

Учился, старался, пока я не сделался взрослым.

Но лишь к одному пристрастился я с первого дня -

Друзей выбираю, которые лучше меня.

И после довольно продолжительной и интересной беседы он назвал меня «девушкой с Урала». Мне было приятно и радостно общение с ним. Он обо всем говорил с увлечением. Его остроумие было неиссякаемым. Он знал сотни стихов, и мы постоянно соревновались с ним в чтении. Я знакомила его с нашими поэтами, творчество которых было ему неизвестно, а он читал свои стихи. Особенно интересно Алим Кешоков рассказывал о своих мифологических героях – легендарном Сосрука, дерзновенном Насрене, боге Тиха. Обычаи и легенды своего маленького народа он знал превосходно и мог об этом рассказывать без конца. Как у всякого поэта, у него была неудачная любовь. Об этом он написал в стихотворении «Встреча».

Всегда я засыпал с надеждой сладкой:

Заснув, тебя увижу я во сне,

И радость нашей встречи, самой краткой,

Всех радостей была дороже мне.

Меня вела дорога фронтовая,

На придорожном камне, на столбе

Твое писал я имя, твердо зная:

По этим знакам я вернусь к тебе.

Прошла война, и свиделись мы снова.

Как труден час тоскливой тишины!

Сидим, молчим, сказать боимся слово

О том, что мы друг другу не нужны.

Так медленно твою беру я руку,
Но не сожму ее своей рукой.
Ни в сердце, ни в глазах, узнав разлуку,
Не сохранила ты любви былой.
В чужих глазах любовь ты зажигала,
И не осталось для меня тепла.
Ты красотой сияешь, как бывало,
Не для меня ее ты сберегла.
Я не сержусь. К чему нам перебранки?
Но чем сидеть, вздыхая тяжело,
Не лучше ль было мерзнуть мне в землянке,
Когда любовь давала мне тепло.

Можно прочесть десятки его стихов о любви, о дружбе, о матери. Они все проникнуты сердечностью, в них много тепла и мудрости.

Все человеческие чувства, вся мудрость жизни заключены в небольших четверостишиях. Их у Кешокова сотни – хорошо бы напечатать и издать отдельной книгой – «Книгой мудрости». Пока эти четверостишия напечатаны вместе с другими стихами. Кешоков по-прежнему много пишет и печатает. Его книги приобрели уже мировую известность. Но все-таки лучшее – это его четверостишия. Вот некоторые из них:

Учителя жизни:

С двумя учителями мы связаны без срока.
Нас горе учит плакать, веселье – светлой доле.
Не пропускает первый ни одного урока.
Зато, увы, другого так редко видят в школе.

Горы:

Вершины вскинули свои вершины,
Причесываясь гребешком-рассветом,
О высоте своей молчат вершины–
И ниже не становятся при этом!

Соль правды:

Народ нас учит – мудрости глашатай:
«У правды вкус всегда солоноватый».

Когда невинным причиняют боль,
Солги, спаси их: в этом – правды соль.

Обида:

Если друг тебя обидит старый, –
Плачь – простительна твоя слеза.
Если враг нанес тебе удары,
Смейся и гляди ему в глаза.

Ум девушки:

Короче кос девичий ум? Едва ли!
Все убедились, он могуч всегда.
Мы с ним столкнувшись, головы теряем
Исполненные строгого ума.

Дорога любви:

Летишь на коне иль на Ту-104
«Скорей бы доехать» – вот мысли твои.
Одной лишь дороги, единственной в мире
Конца ты не хочешь: дороги любви.

Ученый:

Не тот ученый, кто в среде ученой
Со степенью и званием живет:
Увы, нередко по воде плывет
Пустой кувшин, в нее не погруженный.

О языке:

Разноязыкие поймут друг друга скоро
Пока дружны и спор меж ними не возник,
Но в час, когда людей разъединяет ссора,
Там, что ни человек, то и другой язык.

Мычание:

Орет поэт: «Воздайте, бога ради,
Мне почести: творю я громко, ново».
Давно замечено: всех громче в стаде
Орет малоудойная корова.

Миг жизни:

Как дорог жизни миг!
Его продлить все просят
У вечности: и тот, кто молод и кто стар.
Хотя уже топор над деревом заносят,
Оно цветет, пока не нанесен удар.

В стихотворении «Поэту», посвященном Кайсыну Кулиеву, Алим Кешоков ярко выразил свой взгляд на предназначение поэта.

Поэту:

Я люблю смотреть на Опха-Маха,
Где из звонких капель ледника
Родилась
И прыснула с размаху
По ущелью горная река.
Но поэт, изведавший немало,
Должен знать всегда наверняка,
Что не с ледников берет свое начало
Истиной поэзии река.
Пламя жизни – вот ее истоки,
Не ущельем мчит, а сквозь года.
Можно жить, нанизывая строки,
Но не быть поэтом никогда.
И поэт, беря бумагу в руки,
Так стихи обязан написать,
Чтоб по ним учились наши внуки
И любить, и мыслить, и мечтать.
Много проживу я или мало,
Но хочу, чтоб на земле родной
Все, что сделал
Хоть бы каплей стало
Для реки поэзии живой.

Алим, Алим! Я всегда вспоминала чудесные майские дни 1963 г. и все наши разговоры о поэзии. Пусть было коротко наше знакомство, но на всю

жизнь остались светлые воспоминания. Если сначала я очень сожалела, что не пошла на встречу с Вами, то теперь думаю – прекрасно! Останусь «девушкой с Урала» в Вашей памяти! По старым дорогам лучше не ходить, – не портить то, что было пережито! А то, как в Вашем стихотворении:

Сидим, молчим, сказать боимся слово

О том, что мы друг другу не нужны?

Об этой Вашей любви Вы мне рассказывали. Она Вам помогла выжить и стать поэтом. Разве в этом нет счастья?!

Ваши сборники я берегу. Особенно люблю четырехстишия! В них мудрость! Дай Вам Бог долго-долго жить и творить на радость людям!

Ваша внимательная слушательница – «девушка с Урала»!

АЛИМ КЕШОКОВ (ДОПОЛНЕНИЕ)

Он один из тех, память о ком всегда жива и краски встречи не тускнеют, а становятся все ярче, значимее, выразительнее. Москва, май 1963 г. Мне, как лучшему лектору, вручили путевку на съезд работников культуры. Он проходил в Москве. Нас, участников съезда, поселили тогда в гостинице «Юность», напротив стадиона. Рядом, в номере с Джевальским, жил Алим Кешоков. С.Джевальский – режиссер и постановщик документальных фильмов из Харькова. С ним я познакомилась в первые же дни. Он всегда приглашал меня спуститься вниз, в ресторан гостиницы, чтобы утром перед началом занятий выпить чашечку кофе. Он же и познакомил меня с Кешоковым – поэтом и бывшим наркомом просвещения Кабардино-Балкарии из Нальчика. Позднее нас «перезапустила», как я потом со смехом вспоминала, Татьяна Петровна Санникова, которая жила в г. Перми. Она тоже была лектором, и мы с ней хорошо знали друг друга. Оказалось, что после неприятностей с дочерью (скандальная статья «Оплаченный поцелуй» в местной газете «Звезда») она уехала работать в Нальчик. Кешокову Татьяна Петровна представила меня, не зная, что мы уже знакомы и часто бывали вместе. Чем я заинтересовала Кешокова? Не знаю! Видимо, как любительница поэзии, наивная, восторженная слушательница. Он читал мне свои стихи и вскоре (на второй день знакомства) подарил мне свой поэтический сборник, подписав: «Послушайте, что говорят на Кавказе!» Я слушала,

слушала, как говорят, «раскрыв рот слушала!». Или наивность, или восторженность вызывали в нем волну красноречия, – но каждый день появлялось новое стихотворение! Вечерами, когда нас – участников съезда – не оделяли билетами в театр или на поэтический вечер московских писателей, мы были свободны и перед ужином или после гуляли по майской Москве. Ой, что это были за вечера! Была изумительная погода. Не забыть незабудочное небо, особую тишину и сверкающие огни... Алим тогда еще как поэт не был знаменит. У него вышли в свет всего два сборника, и он еще не был известен московскому читателю. Поэтому, видимо, он охотно делился написанными стихами и своими замыслами. Его поэтическая приподнятость была необычной – красивой по-кавказски. Плотный и здоровый кабардинец с шапкой густых кудрей и горящими глазами – как он был хорош! В него я не была влюблена. Я просто любовалась им как необычайным произведением талантливой художницы-матери природы! И радовалась-радовалась, когда он уводил меня от Джевальского «побродить по Москве». Это значило выслушать новые стихи Кешокова. От проходившего съезда, от новых встреч с писателями, художниками, работниками кино было много впечатлений. Алим, как никто, был способен на иронию. Его сатира была необычайно живой и острой. Было над чем посмеяться! Он развлекал меня очень короткими и выразительными четырехстишиями. Позднее я поняла, что писатели всегда жаждут внимательного слушателя, особенно начинающие. В тот год Кешоков больше был наркомом и учителем, а уже потом писателем, хотя поэтический жар уже охватил его. Поэтому тем для общения было достаточно: и дела школьные, и проблемы поэзии. Незаметно пролетело двадцать дней общения. Попрощавшись, он заверил, что непременно придет в Пермь – к «уралочке», как он шутил. Прошло двадцать лет. И вот в 1989 г. с группой московских писателей Кешоков приехал в наш город. Он был уже знаменит и известен как автор очень зрелых и серьезных стихов, поэм и романов. Сборники с его стихами печатались во многих издательствах. Время сделало свое дело! Не было уже буйных черных кудрей, в глазах исчез и прекрасный огонь. Но он был по-прежнему интересен особой красотой пожилого человека. Седина его не портила, а придавала особое благородство. Его лицо было очень выразительным. Он несколько раз выступал по телевидению. Вот одно из его стихотворений:

На благо людям долго жить хочу я,
Не повторяясь, истину растить,
И в эту жизнь, кипучую большую
Три жизни создающих вместить.
Я не хочу, когда наступит старость,
Спокойно жить, не ведая забот.
Кто борется, тому чужда усталость!
Кто трудится – воистину живет!

Да, передо мной на экране был уже другой Кешоков – человек с мировой известностью, мудрый, сдержанный, представительный. Позднее, когда уже москвичи уехали, в почтовом ящике я обнаружила короткую записку: «Искал Вас. Сказали, что вы куда-то уехали». В то время я почти не бывала в Перми – жила в Н.Курье на Моховой. Несколько раз было желание поехать в Пермь, встретиться, поговорить, вспомнить майские московские вечера. Но хорошо, что не поехала. Пусть не меркнут в памяти те старые воспоминания! Пусть и в его памяти живет та наивная, прилежная слушательница – «уралочка»! Слишком огромным стало расстояние между нами. Двадцать лет моей жизни – это, как в стихах, «седины, морщины тут и там». Поэтов, как и детей, не надо разочаровывать, они по-своему воспринимают и женщин. Все было пережито на высокой волне счастья, радости и поэтического восторга. «Помните?» – как-то спрашивал он, посылая очередной сборник со стихами. Да, помнила и никогда не забывала прекрасного лихого кабардинца с кудрявой головой и горящими глазами. Всегда помнила, как он отплясывал на прощальном вечере, – так лихо умеют танцевать только на Кавказе – с такой безумной самоотверженностью в движениях. И пусть в памяти как чудесная, волшебная сказка живут все встречи мая 1963 г.! Многого достиг Алим за эти годы, много сделал, и хорошо, что он до сих пор живет такой полной, насыщенной жизнью. Душа не постарела, – это чувствуется и в стихах!

«На благо людям долго жить хочу я»... И пусть живет славный поэт. «Кто трудится – воистину живет»! Учитель, нарком просвещения, поэт – богатая жизнь! Поездки и выступления перед многочисленными аудиториями, может быть, и утомляют, но зато так значимы для настоящего поэта!

АРАМ ИЛЬИЧ ХАЧАТУРЯН

Какими словами рассказать о нашей дружбе?! Как передать лучшие минуты наших встреч? Как объяснить, что рождало вдохновение великого музыканта?! Нет, это сложно, загадочно и необъяснимо! Воспоминания надо начинать с дней войны – тех дней, когда рождался балет «Гаянэ» и сверкающий, стремительный, ошеломляющий «Танец с саблями», который с первых дней появления уже стал классикой. Надо рассказать и о рождении балета «Спартак», из-за которого Арам Ильич переживал сердечные боли, его душу ранило и то, что великое произведение не получило должного воплощения на пермской сцене. Необходимо описать и прощание с городом, где было дано начало его взлету. И в заключении хочется сказать о шедевре грусти – «Зимней сказке». Такова огромная человеческая жизнь великого музыканта – со всеми взлетами и разочарованиями. Но постигать эти глубины не дано обыкновенным людям. Не дано и мне постигнуть сложность многих настроений и понять Божественное явление таланта Арама Ильича в его могучих творениях. В музыке заключены божественные тайны, не подвластные разуму человека и его обыденной и недалекой рассудочности. Из всех видов искусства музыка по силе воздействия – самое могучее средство для возрождения души. Трудно: у тебя неприятность, у тебя горе, томит тоска безысходная и мрак. Но вдруг полилась знакомая музыка – и сердце ожило для восприятия чего-то неизведанного, загадочного, сложного и прекрасного. Наверное, чудо музыки Арама Ильича в том, что вся она – движение и тайна:

Реет в эфире, по проводу мчится,

Камень способна собой расколоть.

И не заметишь, как она просочится прямо сквозь кожу, сквозь кровь в сердце и оживет душа, и ты уже вся во власти звуков. Разве можно остаться равнодушной, безразличной к звучанию музыки Арама Ильича к драме «Маскарад»? Мне часто, еще когда он жил и творил чудеса в «семиэтажке», хотелось преклонить колени перед вдохновением гения, который с неистовой энергией извлекал чудесные звуки из того рояля, что стоял в его номере. Сотни исписанных листов с загадочными знаками повсюду: на столе, на кровати, на пианино – это все музыка! В мрачные дни войны колдун творил свой балет

«Гаянэ». Неистовый, энергичный – весь порыв, он кричал своему другу: «А это? А это?» – и опять звучал рояль. Леонид Семенович, с которым я заходила к Хачатуряну, был другом Арама Ильича. Они жили в Москве чуть ли ни в одной квартире по ул. Нежданова. Если Л.С. что-то и мог сказать на загадочное «А это?», то я только могла слушать, моргать глазами, ничего не понимая, но всякий раз уходила после этой встречи совершенно другим человеком. И потом долго-долго еще что-то звучало, пело во мне безотчетное, крылатое и могучее, недоступное пониманию! Позднее я увидела «Гаянэ» на сцене. Это была премьера. После спектакля началось ликование, и у музыканта, наверное, от успеха кружилась голова. Создано что-то особое, неповторимо прекрасное! Но в каких муках оно создавалось! Вот тогда я соприкоснулась со словом «неистовый!». Таким был этот необычный человек – неистовый со всеми – особенно в работе! Л.С. боготворил Хачатуряна. А я всегда была в его присутствии ослеплена – и только слушала-слушала музыку, непонятную мне, и смотрела на это «чудо», не осознавая его реальности. Он был для меня недосыгаем и загадочен! Да, недосыгаем и загадочен... В ответ на его иногда милую шутку я только могла растерянно молчать, заливаясь румянцем. У меня даже не находилось слов для общения. Как разговаривать с такими необычными людьми?! Но все эти «немые» посещения оставляли в душе неизгладимый след. Мне казалось, что и говорят эти люди на каком-то незнакомом языке и ведут себя не так, как все смертные. И только позднее я начала привыкать к его шуткам, к его взрывам гнева, к его жажде излить перед кем-то порывы своей неудовлетворенной, ранимой и певучей души. В нем все пело, когда он слушал других, когда сидел за столом, уминая солдатские галеты, когда садился со своим другом сыграть в шахматы – для разрядки! Музыка мешала ему спать – он жаловался на бессоницу. Забавная это была жизнь! Но в муке рождалось прекрасное! Гений требовал пищи: для вдохновения! И в тесном номере рождалось «чудо», которое часто мешало другим отдыхать. Сколько было исписано бумаги нотными знаками и сколько порвано, может быть, ценных кусочков «неистовым Виссарионом!» (так про себя я его называла). О нем я много думала и размышляла, а он просто никак не воспринимал меня – приятельница его друга – и все! Но мне кажется, что под влиянием этих встреч я воспитывалась как учительница, с поисками и неудовлетворенностью, могучим желанием соприкоснуться с музы-

кой и красотой. Человеческие отношения очень сложны и не узнаешь, кто в тебе рождает ту или иную мысль! Общение (даже немое) с такими великанами не проходит без следа. Каждая встреча – зерно, семя для будущего. Наша последняя встреча с А.И. была в Доме журналиста. Он приезжал принимать новый балет «Спартак». Выступая перед журналистами и писателями Перми, он сказал, что Пермь – колыбель его творчества и память о тех днях, когда он создавал свое первое детище – «Гаянэ», особенно ему дорога. Незабываемые дни!

После выступления я подошла к нему поздороваться. Не знаю, вспомнил ли он меня, но со всей щедростью чувств Арам Ильич обнимал меня и говорил, что я – свидетель его славы и успеха прежних дней (я была и на капустнике, который устроили артисты в честь автора балета «Гаянэ»). Когда же девушка с телевидения попросила его выступить перед пермскими зрителями с воспоминаниями, он заявил, что это возможно, но только вместе с З.И. Странно, что он назвал меня по имени и отчеству. Да, но как мы изменились за эти годы! Даже трудно себе представить, что когда-то мы были молоды, и что война не сожгла наши души! Я всю ночь готовилась к телепередаче – хотелось сказать, как много этот спектакль значил во время войны и как его воспринимали те, кто приезжал с фронта. Должны были выступать трое: я, Арам Ильич и его ученик, дирижер театра Афанасьев. Я приехала на телевидение за полчаса до выступления, но диктор почему-то суетливо всех торопила: «Скорей-скорей!» Я отказалась выступать, не проверив текст. Арам Ильич с Афанасьевым сели за стол вдвоем, но не успели сказать и двух слов, как в студии все заходило ходуном – звонки, звонки. «Сапожники!» – неслось неистовое, злое и оскорбительное слово в адрес телевидения. Это возмущались болельщики, потому что была прекращена передача центрального телевидения – футбольный матч. Звонки, шум, трескотня, неистовые требования прекратить передачу с воспоминаниями. При таком переполохе вообще невозможно было говорить и пришлось нашу передачу прекратить. Обескураженные, оскорбленные, растерянные, Афанасьев и Хачатурян встали из-за стола. Надо было в это время видеть Арама Ильича, чтобы понять весь ужас случившегося. Никакие извинения не могли служить утешением. Нас отправили на машине. Афанасьева мы довели до театра, где шел балет «Спартак», которым он дирижировал. А Арам Ильич должен быть доставлен в гостиницу. Я уговорила шофера показать ему город – он

так изменился после войны. Я понимала, что в таком состоянии оставлять его нельзя – нужна какая-то разрядка, чтоб снять это стрессовое состояние душевного расстройства. Как это у меня получилось – не знаю! Хотя и говорят, что из меня бы получилась актриса, но тут я переигрывала. Болтала чепуху, заставляла его вспомнить что-то из прошлого и читала-читала стихи. Сначала Арам Ильич как каменный молчал, налившись гневом и возмущением: «Как это могли с ним так поступить?» Но постепенно, я это почувствовала, он стал оттаивать, и мне пришло в голову пригласить его домой на чашку чая. Он согласился. Видимо, ему действительно не хотелось оставаться один на один со своими горькими переживаниями. Что это был за вечер? Не забыть! Хлеба, к моему огорчению, у меня не оказалось, но зато были сухари. И вот с сухарями, с вареньем мы пили чай. О чем только не болтали, вспоминая прошлое, всех друзей и знакомых!

Неповторимый вечер! Арам Ильич вернулся в гостиницу уже в другом настроении. Об этом он написал в письме. У меня, к сожалению, почему-то затерялись некоторые его письма. А жаль! Этот человек и в письмах был неистов, и льдинки досады, которые он увез из Перми со временем не оттаяли. Как в Перми могли с ним так поступить? Варвары! Он же Хачатурян! Он же классик! А тут...! Гневаться Арам Ильич умел! Это была последняя наша встреча. Без сомнения, печальное известие о смерти Арама Ильича меня потрясло! Его музыка создана на века! Он многое подарил людям. Да светится имя его!

АРТИСТ ОПЕРНОГО ТЕАТРА И.ШАПОВАЛОВ

Этого человека я знала много лет и каждая встреча с ним приносила особую радость. Очень интересны были наши беседы об искусстве. Кажется, первая наша встреча произошла в конце 70-х или начале 80-х гг., когда его имя стало известно не только жителям Перми, но и далеко за ее пределами. Его внешность, умение заинтересовать слушателя всегда покоряли. Говорил он просто, с глубоким пониманием и знанием того, о чем рассказывал. Он был самым желанным гостем и в Доме учителя. Им всегда восторгались слушатели. Он умел как-то по-особенному радовать окружающих своей манерой держаться

и мастерством рассказчика. Ансамбль «Солнечная радуга» был удостоен чести выступать на Олимпиаде 1980 г. в Москве. Дни заполнились работой, ему хотелось каждое выступление провести на высоком уровне. Зная, какой необычный зритель присутствует на выступлениях, Шаповалов насыщенно, ярко, выразительно передавал атмосферу фестиваля. Он подробно рассказывал о международном лагере молодежи и выступлениях ансамбля «Солнечная радуга». С каждым выступлением он все больше завоевывал зрителя. Для него великой радостью было его создание, его детище, его произведение искусства – «Солнечная радуга». Надо было обладать не только мастерством, знаниями, но и щедрой любовью, чтобы создать это чудо-ансамбль. Олимпийская деревня, созданная для выступлений, тоже была чудом искусства. Кобзон, участник многих действий, и тот был в восторге от всего, что пришлось увидеть и пережить в те дни. Какие были построены залы для прослушивания музыки! Было построено помещение и для религиозных обрядов. Шаповалов умел живо, выразительно, проникновенно рассказать и о мастерах искусства. Казалось, и ты вместе с ним присутствуешь на выступлениях Пахмутовой. Умение видеть в людях прекрасное и воспринимать его со всей глубиной и щедростью всегда было свойственно Шаповалову. Этим он мог одаривать людей. Можно ли было равнодушно слушать его рассказ о вечере творческой молодежи? Тогда еще такие «звезды», как Алла Пугачева, Лев Лещенко не были так популярны и известны. Экстравагантная манера исполнения, необычная раскованность и даже порой вызов Аллы Пугачевой Шаповалову нравились, творчество молодой певицы он расценивал как необычное, интереснейшее явление в искусстве. О ком бы Шаповалов ни говорил, он всегда старался подчеркнуть то доброе начало, которое плодоносит и радует окружающих. Даже его ироническая улыбка всегда таила в себе доброту и любовь к людям! Зная Шаповалова, общаясь с ним, я всегда удивлялась широте его натуры, его любви к людям искусства. Он никогда никому не завидовал. Это человек большой культуры! Пермь – счастливый город – в нем живут и работают такие одаренные личности, как Шаповалов. Его жизнь, его работа – особая страница в летописи Перми. Ансамбль «Солнечная радуга» многим подарил счастье видеть чудо красок, света, музыки, красоты и возможность приобщиться к прекрасному!

БОРИС ШИРШОВ

Как-то странно и холодно звучит: Борис Ширшов. Да просто Боря, Боря Ширшов. Между нами была такая огромная разница в возрасте, что я всегда, общаясь с ним, называла его просто – «Боря!». Скромный, с такой располагающей к себе застенчивой улыбкой, Боря, Борис, как мало ты жил и как рано оставил этот мир, который так любил! Почему сегодня мне с какой-то особой живостью вспоминаются все встречи с тобой в Доме журналиста, и просто случайные. Всегда находилась тема для разговора. Боря отличался от своих сверстников и товарищей не только скромностью, застенчивостью, но и особым чутким отношением к старшим. Он был на фронте, но и фронтовая, тяжелая жизнь мало изменила его. Я часто вспоминаю то, каким он был в первые годы после возвращения с фронта, и наши встречи у Людмилы Сергеевны Римской – директора Пермского издательства. Она любила молодых начинающих поэтов по-матерински нежно и заботливо. К Боре относилась по-особому. В послевоенные годы издательство находилось в горисполкоме. И вот там, наверху, где они занимали комнату с Надеждой Николаевной Арбениной, часто встречались писатели. Заходил туда и Боря. С радостью встречая его, она просила: «Боря, почитай-ка свои стихи!»

Заливаясь нежным румянцем, Боря вытаскивал записную книжечку и сначала робко, неуверенно начинал читать свои последние стихи. Но читал очень выразительно, как будто прислушивался к слову – так ли звучит?! Л.С. потом говорила как бы по секрету: «Из него выйдет хороший поэт, он умеет думать». После чтения Л.С. непременно говорила: «Спасибо, Боря!» Поэт еще сильнее заливался румянцем и трогательно отвечал: «Это вам спасибо, что не устали слушать!» После его ухода Л.С. еще долго взволнованно делилась впечатлениями с Надеждой Николаевой: «Главное в стихах у него – искренность, взволнованность! И чувствуете, как он растет в своем мастерстве? Работает мальчик!» Да, Боря много работал над собой! Это было особое поэтическое поколение послевоенных лет. Крепло его мастерство. Он стал известным поэтом. Его очень любила слушать молодежь и дети. Но к его чести и славе, он до конца оставался очень серьезным, скромным и вдумчивым поэтом.

ВЕРА ФЕДОРОВНА ПАНОВА

Человеческая мысль – загадочное явление, как и память. Кажется все забыто, навсегда похоронено, никаких в твоём сознании нет следов о человеке – и вдруг он оживает в памяти со своим миром, словами, привычками, переживаниями – такой близкий, дорогой и знакомый, до боли в сердце родной. Так, сегодня я вспомнила о Вере Федоровне Пановой, и о нашей дружбе с ней, постоянных встречах и взволнованных беседах о литературе, особенно о тех днях, когда она работала над своей повестью «Спутники». Что же заставило вспомнить? Не та ли навязчивая передача по радио о милосердии, что за последнее время повторяется ежедневно.

Милосердие! Как это слово, с его глубоким смыслом, было близко Вере Федоровне! Ее повесть «Спутники» имела первоначальное название «Поезд милосердия», и она считала, что это название более выразительно, более достоверно выражает смысл всего произведения.

Милосердие! Я вспоминаю, как один из идейных руководителей обкома с иронией задал ей вопрос при обсуждении повести: «Кто у вас счастлив? Данилов? Фаина? Супругов? Свойственно ли им милосердие?» Вера Федоровна вспыхнула: «Иначе они бы не вынесли столько страданий и не помогли людям пережить весь ужас происходящего!» Далее последовало еще более резкое уточнение этого формалиста: «Вам даже самим не свойственно милосердие! Вы не любите своих героев!» Много сказали ей горьких слов в этой беседе. Я до сих пор помню, с каким жаром, с какой неистовой страстью она доказывала свою правоту. Логика у нее была железная, она была умна и не терпела тех, кто в литературе совсем не разбирался. Ничто, даже самые безжалостные критические замечания, не заставило бы ее отступить от своих взглядов, тем более от того, что она выстрадала своим сердцем. Своих героев она любила, знала их, жила с ними. Это были ее дети и каждого она по-своему любила. И не собиралась в угоду кому-то покрывать их лаком. Вера Федоровна считала, что только обладая величайшим милосердием, они могли заниматься благородным делом в те суровые дни. Только благодаря своему милосердию они смогли перенести и личные страдания. Многое ей пришлось пережить и в личной жизни. За что взяли ее мужа?! Она делилась со мной тем, что ей пришлось пережить до при-

езда в наш город. Разлука с детьми – источник страдания. Только работа над книгой помогла ей. «Поезд милосердия» – ее сердце, ее личная боль. Кабинетным работникам – сытым, ограниченным – где им понять? «Переделать! Переделать! Напустить розового тумана?! – гневалась Вера Федоровна. – Ни одной строчки! Все будет так, как написано! Им еще будет стыдно за свои высказывания!»

Я всегда восхищалась не только умом Веры Федоровны, талантом, но и глубиной и мудростью, истинным милосердием к людям. Она знала муки творчества и умела отстаивать свою правоту. Как часто мне не хватало ее яркой иступленности, ее света! Она очень дружила с Людмилой Сергеевной Римской. Этой духовной близостью и пониманием можно было только восхищаться. Какие личности! Записывать бы их мысли, высказывания о литературе, те беседы, которые вели мы иногда, отдыхая в театральном садике.

Вера Федоровна! Какой же свет загорается в моей душе, когда я вспоминаю какую-либо из встреч. Надо считать великим счастьем общение с ней. Она всегда отстаивала свои взгляды, вопреки ограниченным и недалеким людям. Когда к ней пришла слава, Вера Федоровна уже была смертельно больна, надорвала свое сердце! Пусть же святые воспоминания о ней остаются святыми, как особый подарок моей жизни.

ВСТРЕЧА С АРТИСТОМ ФИЛАРМОНИИ СОЛОМЕННЫМ

Этого человека я знала на протяжении многих лет – от первых горячих, страстных и талантливых встреч со зрителями и до выступлений мудрого, немногословного, задумчивого и зрелого мастера слова. С каждого его концерта я уходила как с причастия, после которого пробуждается душа. Над литературным материалом он работал вдумчиво и серьезно. Его композиции отличались особым мастерством и подбором. Особенно интересно он читал о Есенине, трогательно до слез. Несколько раз я слушала, как он читал Зощенко. И вот сегодня мне захотелось рассказать о нашей последней встрече. Это было 19 декабря 1985 г. Мы долго не встречались, а потому больно ударила мысль: как мы изменились. Что делать? Постарел горячий порывистый мастер, «колдун

слова», что-то в нем потухло, но зато незаметно он приблизился к героям Зо-щенко – те же степенность, уверенность и какое-то особо ироническое отношение к жизни. Можно было выступать без грима, натянув ту или иную шапочку. И вот перед зрителем живой Хренов («Расписка»); Коленкоров Петр Анатольевич («Баня»), Локтев Василий Митрофанович – и будто все они жили не в 20-е гг., а живут в настоящем, вместе с нами. И невольно задаешь вопрос: «Да что же изменилось в нашей жизни?» Тот же узенький, маленький мирок, те же стремления! Вот осторожный, самовлюбленный Хренов. Или в наше время исчезли баталии в квартирах, которые происходили между Чапцовой и Кобылиной? Наверное, и «мурло» современного мещанина так же страшно?! После «Бани» Соломенный тут же прочитал рассказ Горина (1975 г., «Сауна»). Подчеркнул: «Жив, жив Зощенко! Разве случайно он издается множеством тиражей? Стяжатели, мещане, собственники – все процветают и в настоящее время!» Соломенный так талантливо играл, перевоплощаясь в героев Зощенко, – до потрясения! Посмотрите на себя – подумайте. Не смешны ли вы? Не мелочны ли? И разве можно так жить?! Нельзя ли изменить жизнь, сделать ее лучше, пригляднее, интереснее. Этих вопросов Соломенный не задавал, он делал пояснения к рассказам, но, как я уже сказала, он потрясал реальностью! И мимика, и голос, и жесты! Умел смеяться Зощенко, он любил людей и хотел их видеть другими. У меня от встречи с ним не пела душа, как это было раньше, а осталось глубокое чувство горечи от сознания, что так постарел, так изменился дорогой для меня человек – любимый артист. Наверное, это и была наша последняя встреча.

ВСТРЕЧА С МАРИЕЙ ПАВЛОВНОЙ ЧЕХОВОЙ

В тот год я сильно болела и лечилась в одном из крымских санаториев. В один из дней мы (несколько человек) решили съездить в Ялтинский дом Антона Павловича Чехова. Обрызганный золотом листопада, с бликами солнечных пятен, с яркой голубизной неба, с чистым крепким яблоневым воздухом – день бодрил даже тех, кто температурил и чувствовал себя плохо. Жажда побывать в домике Чехова заставила собрать все свои силы и поехать на окраину Ялты. В

этот день я познакомилась с Марией Павловной Чеховой. Как это произошло? Почему она со мной заговорила так просто, по-матерински нежно и заботливо? Тронула ли ее моя молодость? Или она знала, как несчастен человек, болеющий туберкулезом, как мало было надежды в тот год на излечение от этой губительной болезни. Мария Павловна уже была в преклонном возрасте, очень уставала от посетителей и старалась избегать лишних разговоров с любопытными экскурсантами. А их было так много! Походив по дорожкам сада, мы осмотрели домик, побывали и внутри. Мои друзья тут же после осмотра уехали, а мне захотелось остаться еще и соприкоснуться с тем, что очищает и наполняет душу. Я вышла в сад и села на одну из скамеечек. Разумеется, была переполнена увиденным, пережитым. Вот здесь жил великий Чехов! Такой любимый и близкий! Ходил по этим дорожкам сада, видел море, своими руками посадил многие деревья. Здесь он любил, тосковал и принимал таких близких людей, как Толстой, Горький. Кто только не бывал в этом уголке! Почему-то вспоминалась Лика Мизинова, Левитан. И вот уже нет Чехова, его друзей, а сад по-прежнему полон цветения, благоухания. У него своя жизнь – дарить людям и радость, и настроение, и чувства особой наполненности, где бессильны слова. Я сидела и плакала. Трудно это объяснить, но плакала от душевной наполненности и, возможно, от жалости к себе. Мне так не хотелось умирать. Я настолько искренне отдалась своим переживаниям, что даже не заметила, как ко мне подошла Мария Павловна, и, слегка притронувшись к моему плечу, ласково спросила: «О чем вы плачете? У вас горе?» В первую минуту я так растерялась, что даже не сразу поняла, что передо мной Мария Павловна – хранительница Чеховского музея. Я знала ее только по фотографиям. Живая Мария Павловна – ласковая, старенькая и какая-то уж очень обыденная. Она присела со мной рядом и повторила:

– Кто вас обидел? Случилось что-то неприятное?

– Да, нет! – сказала я растерянно, захлебываясь слезами.

Могла ли я ясно передать свое настроение? Она так внимательно меня рассматривала, заглянула в мои глаза и улыбаясь, сказала: «Ну, ну! Захотелось поплакать!» – и после паузы добавила: «А глаза у вас удивительно хорошие. Надо их беречь – и не плакать. Кто вы? Откуда приехали?»

Я охотно рассказывала, что я из города Молотова (так тогда именовалась наша Пермь), что работала в школе и заболела, приехала лечиться. Жаль, что дома у меня остались дети – сын и дочь. Мария Павловна еще более удивленно и внимательно посмотрела на меня и заговорила так душевно:

«Ну, не горюйте, дитя мое! Да, да! При вашей болезни – самое главное настроение! Да, да! Настроение! Вот Антоша никогда не унывал, как бы ему не было плохо. Всегда шутил, смеялся! Веселый был человек!» И она начала рассказывать о его детстве, юности – каким щедрым он был на доброту, чувства и как умел думать о других!

Рядом со мной сидела старая женщина, которая свою жизнь прожила для брата и говорила о нем, как о живом! Меня тогда удивила мысль о том, что она не воспринимает как реальность смерть любимого брата. Он жил не только в ее воспоминаниях, но и был всегда в этом доме, ходил по этим дорожкам, любил, дружил, принимал гостей и работал, работал, работал!

И для меня болезнь должна быть стимулом для работы. Надо надеяться на выздоровление, тем более, что у меня есть дети, которые нуждаются в моих силах, в моем здоровье. Сколько мы просидели с Марией Павловной – не знаю, но, даже вернувшись в санаторий, я еще много дней жила этой встречей. Снова и снова вспоминала каждое ее слово, ее легкое прикосновение руки, всю ее, такую уже старенькую, но светлую и переполненную любовью к своему талантливому брату, которому она посвятила свою молодость и жизнь!

ВСТРЕЧА С МОСКОВСКИМИ ПИСАТЕЛЯМИ (14.VI.88)

Пусть много осталось за спиной,
Пусть отпылали жаркие костры,
Мой новый день наполнен новизною!

Альфонс Ламартини

Хочу рассказать об одной из интересных встреч в Доме писателя. Проходили дни литературы. Эта необычная встреча запомнилась жаркой полемикой слушателей – пермских читателей.

Заседание вел Величенко. Приехали авторы моего любимого журнала «Наш современник». И начался горячий ринг – отвечает ли журнал современ-

ным требованиям и каковы его задачи в будущем?! Вопросов было задано более, чем достаточно. Я была изумлена начитанностью и заинтересованностью многих читателей Перми. Удивила глубина их требований к писателям, к журналу. Одно выступление интереснее другого. Остроумие как вспышки молний! Не щадилось самолюбие, не прощалась бездарность. Было высказано мнение о том, что появление романа Виктора Иванова непростительно. Чего ждет читатель от литературы? Разве не духовного обогащения? Об этом особенно много говорили. Лозунг дня, времени в период перестройки – «Найди себя!» Начни перестройку прежде всего с личности! Гласность – это дитя, у которого только еще прорезаются зубки! Облагородим души, залечим старые раны. А не ранит ли нас прошлое? Не сводится ли многое к обывательщине?! Как рассматривать произведения Овечкина «Районные будни» (1956)? Честь и хвала «Современнику», что обнародовал запрещенные ранее имена, особенно в поэзии, – Гумилева, Мандельштама, Цветаеву и т.д. Были горячие выступления о цензуре – не страшнее ли она, чем при Николае II?! Ох, и изощрились остряки. И кажется конца не было новым и новым вопросам и требованиям. Пот градом катился с москвичей, а требования возрастали, критике, как ударам хлыста, подвергалось многое. Приехали отчитаться – отчитывайтесь! Расходились все взволнованные, возбужденные – наверное, москвичи и сейчас вспоминают эту встречу. Не ожидали они от пермяков такого жара!

ВСТРЕЧА С ПИСАТЕЛЕМ И ПОЭТОМ НИКОЛАЕМ ВЛАДИМИРОВИЧЕМ СОФРОНОВЫМ

Писатель, поэт, драматург, чье имя уже популярно. Как не пойти в театр на такую интересную встречу, тем более на его пьесу? На сцене перед зрителями появился большелобый, седовласый, солидный, широкоплечий, рослый человек, утративший уже былую молодость. Одет безупречно. Темный костюм, белоснежная рубашка с модным галстуком – гость из Москвы, чья пьеса сейчас идет в театре. В очках лицо становится еще более значительным. Держится с подчеркнутым достоинством. Первые минуты волнения в какой-то стеснительной неловкости быстро проходят, и он уже чувствует себя не гостем, а хозяином.

ном вечера. Самоуверенно, с какой-то широкой русской распахнутостью, он рассказал о себе и о цели, с которой приехал в Пермь. Его биография была необычной. Он начал путь с работы в газете, а теперь его пьесы уже идут во многих театрах и даже за границей. Со снисходительной иронией говорил Софронов о первых стихах, написанных «на потребу дня». В заводской газете Россельмапа были опубликованы стихи «Мы машинами степи наполним», о Чапаеве «С острой пашкой мчит Чапаев». Драматург вспоминает 1935, встречи у поэта Волошина и свои стихи «Ночь в Коктебеле», «Темноту пыталась сжечь луна последними лучами». О стихах говорит просто, читает без особого подъема, но выразительно! Пытался особо подчеркнуть, что в прошлом было много интересных встреч и он этим очень дорожит. С Фадеевым шел «рука об руку» в течение шести лет. Были встречи с Сельвинским, Пастернаком, содружество с Семеновым, Заславским. Оживленно и интересно рассказывал о писателях Австралии, Германии, Индии. Поездки обогащали, и нужно было держать себя полпредом Советского Союза – отстаивать принципы советского искусства. Это было не так просто! Пьесы начал писать поздно – хотелось как-то ярче рассказать о сложности жизненных столкновений, о любви, дружбе и трудовых подвигах своего народа. Писатель учится у жизни – вечно учится! Вот и в Пермь приехал познакомиться с традициями славного города, его людьми и рад, что Пермский театр принял к постановке его пьесу. На этом не закончилась беседа – посыпались вопросы как из рога изобилия. Писатель охотно на них отвечал, иногда с иронией. Ну, и как не посмеяться, если спрашивают: «Почему в Ваших произведениях женщины лучше, чем мужчины?» Но писатель уже привык ко всяким неожиданностям, его ничем не смутить и не удивить. Уже выработалась и особая манера отвечать на вопросы. Если бы представилась зрителям возможность разговаривать с писателем до утра, они бы не пожалели своего времени. Но чувствовалось, что Софронов очень утомлен от такого ненасытного любопытства. Надо было дать возможность ему отдохнуть. Распрощались, пожелав Софронову написать пьесу о пермяках.

1976 г.

ГЕОРГИЙ ГУЛИА

У человека бывают дни, наполненные воспоминаниями. Вдруг откуда-то вынырнет давно уже забытое переживание. Зачем? Почему? С чем это связано? Трудно объяснить даже самой себе, но все оживет, заговорит, засверкает реальностью пережитого! 1968 год. Лето. Я приехала в Сухуми, чтоб повидаться с мужем и его сестрой. Узнаю, что он работает в доме отдыха в Гульрипше. Живет на берегу моря в маленьком домике – бывшей столярной мастерской за домом Гулиа, который виден сразу, как только спустишься к морю. Дом знаменитого, особо чтимого Дмитрия Гулиа, который похоронен в Сухуми, у его памятника всегда живые цветы. Приносят их сын или дочь, которые и живут в доме у моря. По дороге к морю меня догнал молодой красивый мужчина. У него было скульптурно-выразительное лицо, под дугами широких кустистых бровей блестели черные глаза, развевалась на ветру пышная, уже посеребренная, шевелюра. Этот красавец оказался сыном Дмитрия Гулиа – Георгий Гулиа. Он шел домой. Узнав, куда я иду, весело рассмеялся: «До самого дома я ваш попутчик и сопровождающий». Георгий оживленно стал меня расспрашивать зачем мне нужен дом Гулиа? Я объяснила. Он заразительно рассмеялся: «Значит, будем соседи! Я хорошо знаю Вашего мужа». Когда мы подошли к дому, навстречу вышла худенькая старушка. Это была мать веселого великана, они трогательно приветствовали друг друга. Позднее я узнала, что Георгий Гулиа – поэт и вернулся со встречи с читателями. Поэт?! Писатель?! Никогда не слышала о таком. Видимо, только в Грузии его знали. Он хорошо говорил по-русски, даже без акцента. С Еленой Андреевной – так звали мать, он меня познакомил и пригласил в гости, но я поспешила увидеть мужа. Позднее я часто встречалась с Георгием Гулиа. Оживленный, солнечный, шумливый, очень щедрый и ласковый, особенно с матерью и сестрой, – таким он остался в моей памяти. Это был выдумщик всевозможных проделок, необыкновенный рассказчик смешных историй, страстный почитатель грузинской литературы, уверявший, что она самая остроумная, умная и глубокая. Он приглашал меня выпить чашечку какао, но я всегда отказывалась. И вот сейчас мысленно перенеслась в то далекое время и подумала, о том, сколько на моем жизненном пути встречалось интересных людей... Почему я так упорно бежала от них? Что мне

мешало бывать в семье Гулиа? Страх? Робость? Моя незначительность?! Сколько интересных вечеров я могла бы провести в этой дружной, гостеприимной семье?! Каким замечательным человеком была Елена Андреевна! А ее дочка! Каждый день, бывая на море рядом с Серовой, я старалась даже избегать их – и опять из-за своей незначительности. Хотя можно было бы познакомиться с К.Симоновым. Не захотела! Видимо, крепко сидело во мне это обывательское начало – не показаться бы смешной, недалекой! Да, эти красивые, интересные люди были мне в то время не по плечу, я просто терялась перед ними. Такой человек, как Георгий, кипел, сверкал своим остроумием, подавлял своими познаниями, своей эрудицией, знанием языков. Наверное, он прав и грузинская литература самая глубокая и древняя. «Витязь в тигровой шкуре» чего стоит!

Как-то стала перебирать в шкафу книги и нашла повесть Георгия Гулиа «Дилижанс». В журнале «Новый мир» прочитала его несколько рассказов. Как-то живет этим людям? Жив ли Георгий?! Его сестра? Жаль, что Елена Андреевна давно умерла.

ДВЕ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ АКТРИСЫ – ДВА ХАРАКТЕРА, НЕПОВТОРИМЫЕ В СВОЕЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Наверное, самое ценное в моей жизни – встречи с интересными людьми. Сколько их было! Память о некоторых так жива, как будто они рядом. Я вижу их лица, слышу голоса, вспоминаю улыбки и то счастье, которое они подарили мне. Сегодня мне хочется рассказать о Танечке Вечесловой, которая казалась недоступной, но была такой щедрой на чувства, и талантливой актрисе – солистке Кошеваровой. Разные по характеру, Т.Вечеслова и Кошеварова были щедрыми на дружбу, привязанность и искренность. Они умели близких им людей одаривать теплом и даже «приподнимать на крыльях» своей душевной щедрости. В наш город они приехали вместе с Мариинским театром во время войны. Первые дни чувствовали себя несколько потерянно в незнакомом городе, но потом горячо полюбили его тихие улицы и снежные зимы. Полюбили и людей.

С Танечкой мне особенно часто приходилось общаться – почти ежедневно. Мы совершали прогулки через весь город. Она шла до театра, я – до школы. Трамвай во время войны не всегда ходили, да и надежда на них была плохая. Мы шли разговаривая и незаметно преодолевали путь. Танечка всегда утверждала, что это для нее разминка перед танцами. А для меня этот час был «полетом» в неизведанную страну ее духовного мира и радостей. О ней я даже пыталась написать книгу, но все заметки были уничтожены по причине, о которой не хочется сейчас вспоминать. Много тогда исчезло из моего архива записей, но стихотворение Анны Ахматовой, посвященное Танечке, сохранилось. Да я и знала его наизусть. Ей многие посвящали стихи, восхищались ее талантом, но стихотворение Анны Ахматовой ошеломляло своей необычностью. В нем был и восторг перед талантом «лучшей из всех камней», и стремление высказать, как велика сила таланта и красоты.

Дымное исчадьё полнолуны,
Белый мрамор в сумраке ночей,
Розовая девочка плясунья,
Лучшая из всех Камей.
От такой и погибали люди,
За такой Чингиз послал посла
И такая на кровавом блюде
Голову Крестителя несла.

Не представляю Танечку в этой роли. Доброта и свет – вот, что излучала эта прекрасная балерина, трогательная в своих чувствах и незащищенности. А вот Кошеварова с ее непреклонной волей и независимостью могла «на кровавом блюде голову Крестителя нести». Вспоминаю ее Куму из оперы «Чародейка» – какая бездна сильного женского характера в своих чувствах и непреклонности. Я почему-то всегда терялась в присутствии этой актрисы. У нее был не только сильный голос, но и талант драматической актрисы. В последующие годы жизни не встречала более талантливейшей исполнительницы партии Кумы. Ее голос можно было слушать до бесконечности. Эти две женщины, такие разные и даже в обыденной жизни необычайно интересные, всегда были для меня эталоном духовной высоты, чистоты и душевной щедрости. Каждая встреча с ними – крупица счастья, которую пронесешь до конца жизни.

ДМИТРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ПОЛУНИН

Среди художников мне наиболее близок был духовно этот уже не молодой, много переживший и повидавший человек. Каждая встреча приносила тихую радость. Пообщаемся, поговорим, расскажем друг другу о том, над чем работаем и что готовим к предстоящей выставке. Его пейзажи родного края были такими близкими и волнующими! Художник умел передать вечную непроходящую красоту природы.

Бусовиков, Красноперов, Полунин, Семейкин – таково было первое «зерно» энтузиастов-художников, которые умели радовать зрителей и всегда с такой любовью говорили о молодости творчества. «Времени только мало осталось!» – сожалели они. Их лучшие годы были растрчены на работу, которая мешала заниматься любимым делом. Служба в армии и работа на заводе отнимали много времени, только выйдя на пенсию, они взялись за кисть.

С возрастом появилось обостренное чувство ощущения мира, захотелось какие-то тайны сложных изменений в природе уловить, запечатлеть, заставить жить! Учиться «секретам» профессии художника мне не удалось. Полунин общался с друзьями молодости: Обориным, Коровиным. Среди пермских художников они многого достигли. Полунин им не завидовал, но пытался и сам многое сделать, научился беречь свое время.

Постепенно, по крупницам накапливается его мастерство, приходит уверенность в собственных силах.

Что-то особенное, крепкое, здоровое, ясное было в мышлении этого человека и, как я уже сказала, общение с ним придавало и мне веру в себя и желание у него учиться.

Пусть эта страничка останется как напоминание о прошлых встречах и беседах. Нет уже Бусовикова, Красноперова, Семейкина. Да, многих уже нет. Общение с художниками-любителями – особая часть моей жизни, и надо быть благодарной судьбе за то, что в этих встречах я черпала неповторимую радость и вдохновение!

Вечер 10.02.97 г.

ИВАН АНТОНОВИЧ МАЛАФЕЕВ – СЕЯТЕЛЬ ПРЕКРАСНОГО!

Кто из учителей не знал этого человека? Преподаватель университета, он многие годы проработал и в школе. Часто был ответственным за практику студентов. Маленький, седоголовый, очень воспитанный и жизнелюбивый – поклонник женской красоты, он почти всегда находился в окружении красивых женщин. Их привлекали к нему особое жизнелюбие, культура и мягкость в обращении. Поздно выйдя на пенсию, похоронив жену, после отъезда дочери в Москву, он в своей квартире организовал литературный кружок, и по пятницам или четвергам она всегда была полна любителями поэзии и литературы. Это были незабываемые вечера, часто с чаепитием, с интересными беседами. Иван Антонович страстно любил поэзию и сам в душе был поэтом. Никогда и нигде не печатался, но стихи его всем, кто приходил на эти встречи, нравились. Они были несколько сентиментальны, лиричны и трогательны, чаще всего посвящены женщинам. Он умел в поэзии выразить чувство преклонения перед ними. Приятный и интересный собеседник, прекрасный организатор, он не умел жить спокойно и для себя. Ему всегда хотелось, чтоб вокруг него было шумно, весело, интересно.

Кружковцы до самозабвения преклонялись перед своим организатором и оставляли все свои дела и заботы, только бы не пропустить вечер встречи у Ивана Антоновича. Так всегда было интересно! Каждый раз звучали не только новые стихи, но и музыка и песни. Кстати, Иван Антонович так же умел открывать поэтов, как и привлекать к себе людей! Деликатный, внимательный, очень вежливый и чуткий, он знал как увлечь людей, приобщить их к прекрасному. Добрый сеятель этого мира, он умел в свой кружок привлечь интересных, талантливых людей. Несмотря на возраст, он всегда казался очень молодым, человеком без возраста. Стихи у него были свежие, задорные, иногда ироничные. О кружке Ивана Антоновича в городе знали многие и число его участников все увеличивалось. Очень жаль, что никто не рассказал об этих встречах! Давно уже нет Ивана Антоновича, светлую память оставил о себе этот милый человек, чуткий и очень добрый. Она будет жить, пока живы уча-

стники этого литературного кружка! Возможно, кто-нибудь из молодежи по примеру учителя организует такой кружок?!

Как бы изменилась жизнь, если бы в мире прибавилось таких энтузиастов, таких добрых, чутких, интересных и беспокойных сеятелей прекрасного!

ИЗАБЕЛЛА ИСАКОВНА КИБРИК

– Зинаида Ивановна дома? – раздается такой знакомый родной голос. Это пришла И.И.Кибрик – соседка и самый интересный человек в моей жизни. Каждая встреча с ней – это праздник для души!

– Дома, дома! – и я спешу ей навстречу.

В белой пикейной панамке, в светло-коричневом габардиновом пальто, сияющая, жизнерадостная, она проходит в комнату. Никогда не подумаешь, что этой женщине уже давно за восемьдесят. Ее белоснежные волосы красиво уложены, а яркие карие глаза не утратили горячего блеска. Сняв пальто, она расправляет белоснежную, отутюженную, с красными искринками кофточку, поправляет кокетливо воротничок и сообщает: «Провела с читателями беседу о творчестве Паустовского. Немногие знают этого писателя, редко спрашивают его повести, а жаль! Проникаешься такими светлыми мыслями, когда читаешь его книги. А какой язык!»

Она еще долго с восхищением говорит о Паустовском. Затем спрашивает:

– А вы чем занимаетесь? Опять новый доклад готовите?

– Да! О дружбе народов! Написала вот рецензию на роман В.Собко «За-лог мира». Закончила читать повесть Семенова «Семеро в одном доме».

– О чем там? – интересуется Изабелла Исаковна.

Я рассказываю, Изабелла Исаковна слушает, а затем говорит:

«Живо написано! А какой смысл в этой живости? И тема не новая! Я не люблю таких книг! Они не волнуют, не пробуждают новых мыслей. Автор старается рассказать о своем герое со всеми подробностями, а нужно ли это делать? В жизни много печального, грустного, а я считаю, что настоящая литература не только в отображении правды жизни, а в пробуждении мысли читателя, в стремлении заставить почувствовать что-то зовущее, окрыляющее. Читаешь

Толстого – и каждый раз по-новому что-то открываешь – даже в себе! А в этих книгах, что вы называли – что? Вы положили книгу – и забыли! Это не литература. За последнее время я пристрастилась к чтению книги Юрия Олеши «Ночь без строчки» – бесподобно! За каждой строчкой – целый мир! Он очень экономен в словах! Многое просто проясняет! С годами мы действительно познаем материальность вещей, обогащаем свой ум в области техники, но ближе ли мы становимся к истине? Знаем ли мы свой внутренний мир! Нет, для нас все тайна. Сколько я пережила за восемьдесят лет! Две жизни, а даже самые простые вещи, в смысле духовности, неведомы! Теперь вот я очень страдаю, что не научилась быть терпимой. Я всю жизнь была очень требовательной к людям, нетерпимой к слабостям человека. Не умела прощать, и от этого больше всего страдала сама. Сколько раз пыталась принять в сердце свою невестку – не смогла, разве в этом не трагедия?! Я люблю сына, а она?! Она тоже любит моего сына – и в этом должно быть единение! Все это доступно понимать только Толстому, а мы – смертные – так далеки от истин! Часто говорим о воспитании, а что это такое?! Разве мало недоразумений с дочкой – это тоже чувство эгоизма! Я не читала Евангелия, а жаль! Что там не говори, в этом мире мы – гости! И часто винить себя неразумно! Если уже говорить о воспитании – так это о воспитании прежде всего самого себя!» И долго-долго еще Изабела Исаковна говорит о высоких сферах духовности, о самоусовершенствовании, о самовоспитании.

ИРИНА НИКОЛАЕВНА АМОСОВА

Много лет я общалась с этой женщиной. Нас многое связывало: и любовь к живописи и поэзии, и музыкальные вечера по понедельникам, и особое отношение к опере и театру. Каждая встреча – не только обмен мнениями, но и стремление как-то оценить – не растратили ли мы зря то время, которое не встречались, желание взглянуть на себя критически. Приходила она ко мне всегда неожиданно, переполненная ворохом новостей и переживаний, обычно после длительного отсутствия. Ирина много путешествовала и вообще вела беспокойный образ жизни. Чрезвычайно любила необычные знакомства. К людям

была любопытна. Эта зеленоглазая, красивая колдунья умела очаровать людей и они тянулись к ней. Познакомились мы с ней в 1938 году, когда она после окончания школы чуть ли не каждый день приходила к своей любимой учительнице иностранного языка Марии Александровне Дмитриевской. Школьная влюбленность в нее потом переросла в глубокую и интересную дружбу. Со стороны даже удивляла эта глубокая привязанность: расчетливая, пунктуальная, холодная, сосредоточенная, высокомерная Мария Александровна, а Ирина – молодая, горячая, безалаберная, бескорыстная – вся огонь и жертвенность! Все свои порывы и поступки она «пропускала» через серьезную содержательность Марии Александровны. Ни ирония, ни колкость, ни замечания М.А. ее не обижали, а наоборот, приводили в неистовый восторг, и она даже гордилась, что поступает вопреки этим советам. Не передать сложность этих отношений, но они были счастьем и радостью для той и другой!

Что Ирину привлекало ко мне? Я не знаю, но она радовалась, когда меня встречала у М.А. С годами и наша дружба становилась необходимой. Шли годы, мы обе многое пережили, изменились наши характеры, наши увлечения и интересы, но мы считали своим долгом после долгой разлуки навестить друг друга.

Боже мой! Чем только Ирина не увлекалась в жизни! То она увлеченно разыскивает материалы о летающих тарелках, то изучает телепатию, то начинает посещать кружок кройки и шитья, то ночи просиживает за макраме, потом начинает изучать язык эсперанто, заведя обширную переписку. Сколько пережито увлечений этой сумасбродкой. Каждому увлечению она отдавалась со всей страстью. Все в ней было необычно, неожиданно, даже в ее внешнем облике. Обладая бездной вкуса, она часть старых вещей переделывала в элегантные костюмы. Эти старая чаровница не оставила своих привычек молодости очаровывать и удивлять людей. Вот и сегодня она явилась в какой-то шали – кисти почти до полу – шаль превращена в платье. На голове модная шапочка. Что за иностранка? Из каких краев прибыла? Ее часто принимали за иностранку, особенно если она говорила на французском. У Ирины были особые способности к языкам. Она в совершенстве знала и английский, и немецкий! Увлекалась эсперанто, и на этом языке разговаривала свободно.

Она любила Балатовский парк и приходила за мной, чтобы вместе побродить по его дорожкам. Она знала этот парк еще в те времена, когда там можно было насобирать и малины, и смородины, а в осеннюю пору набрать корзиночку грибов к обеду. Теперь в парке многое изменилось: ни ягод, ни грибов и даже никаких цветов не найдешь, одна трава, да и то пожухлая, примятая, запыленная. На асфальтированных дорожках брошены обрывки бумаги, окурки, битое стекло. Это вызывало гнев Ирины Николаевны. Во что превратили этот прекрасный заповедник? Мы долго искали уголочек, чтоб почувствовать, что это все-таки лес. Деревья, даже новой посадки, поломаны, искалечены, это еще один повод для возмущения и негодования Ирины Николаевны, которая в гневе неистова. Однажды она мне сказала: «Я так любила жизнь, и вот теперь мне часто приходится наблюдать, что происходит, и не хочется жить. Куда мы идем со своими правами? Что за поколение пришло нам на смену? И какой образ жизни – один ужас! Помнишь, когда-то этот парк звенел детскими голосами? А теперь что? Люди стали бояться и в парк приходить – сколько тут неожиданных несчастий уже за эти полгода произошло?» Как это ни печально, а эти разительные перемены сказались и на характере Ирины Николаевны. Она стала нервной и раздражительной. Но все-таки всегда находила интересную тему для разговора из области медицины, литературы, философии или техники и науки. Ко всему у нее был интерес. Неожиданные заявления «Устала жить!» сменялись жадой жизни и глубоким интересом к ней. Человек – настроение!

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ПРАВДИН

Если я написала несколько слов о Евгении Федоровне Трутневой, почему бы мне не рассказать и о Л.Н.Правдине? Бывая в доме Людмилы Сергеевны Римской, я всегда там встречала и Л.Н. Они были большими друзьями! Их дружба была не только деловой при полном понимании, но очень трогательной и теплой. Л.С. ценила Льва Николаевича не только за талант, но и за его особую организованность, стойкость, мужество и трудолюбие. И всякий раз, как только Л.Н. покидал нас, она спешила подчеркнуть (как бы урок для меня): «Уважаю Л.Н. Умница! кто так вдумчиво, кропотливо умеет работать над

своими произведениями?» Несмотря на все свои невзгоды, много пережив, он не утратил своего оптимизма, веры в жизнь и людей (Л.Н. более десяти лет жил на севере, сталинская «любовь» его не миновала). В этом году Л.Н. исполнилось 90 лет. При встрече он как-то пожаловался на усталость, поделился замыслами о том, что еще надо поведать людям. Конечно, кому-кому, а уж Правдину есть о чем рассказать, такая у него богатая встречами, пережитым и увиденным жизнь.

Он был сыном учителя, да и его мать работала учительницей. Л.Н. очень любил отца. Он был первым ребенком, который всегда бывает любимцем семьи. Но отец и так больше других уделял внимание сыну и, наверное, поэтому в характере Л.Н. многое унаследовано от отца – особенно тяга к знаниям. Отец – детдомовский ребенок, взятый в семью пастуха. Летом – с утра до глубокой ночи – пас скот. Зимой учился. Как лучшего ученика его направили в учительскую семинарию. Льву Николаевичу также рано пришлось зарабатывать деньги. Сначала работал в типографии. Захотелось не только видеть процесс издания книг многих авторов, но появилась и мечта: когда-нибудь напечатать свою книгу. Стал писать и, как пушкинский скупой рыцарь, бережно хранил все написанное, взял себе за правило – писать, писать и ни при каких условиях не терять надежды и не оставлять любимое занятие. Он любил природу, особенно детей, ко всему проявлял внимание. Не был равнодушен к людям: его принцип – видеть, слышать и познавать характеры. Первые рассказы написал о Севере. Они сразу заинтересовали читателя. Был участником первого учредительного съезда писателей, там повстречал свою любовь.

Мне вспоминаются его интересные рассказы в доме Римской. Он был тогда молод, красив, обаятелен. Рассказывал всегда очень живо, негромко и с юмором, такова была его манера. В его исполнении все наполнялось красками и живыми голосами действующих лиц. Было и артистическое начало в этом человеке. Всегда по отношению к окружающим проявлял скромность, деликатность, воспитанность. Я как-то даже терялась в его присутствии. Ох, как мне всегда не хватало особой культуры общения. Вот с такими, как Селянкин, Спешиллов я не чувствовала скованности, не боялась «не то и не так» сказать. С Правдиным держалась по-другому. Надо было думать над каждым словом. Для меня он был, как и Римская, мудрым другом, учителем! Надо заметить, что у

него была хорошая семья: любимая женщина, дети и внуки! Общение с ними приносило ему огромное счастье и радость, поэтому сам он был щедрым на ласку и внимание.

С отъездом Римской в Москву мы почти не встречались. Он заметно постарел (90 лет – не шутка!). Растерял своих прекрасных друзей! Это так грустно! Но его не покинула надежда написать еще что-то новое, привести в порядок свой архив, «Новый венец» и «Область личного счастья», повести и т.д. У него была обширная переписка, а так как он любил порядок во всем – все сохранено!

МАРГАРИТА ВЕНИАМИНОВНА ТАРАСОВА

Художница не просто талантлива, ее творчество отличается особая тонкость и вкус. Каждая встреча с ней праздник – да какой! Обаятельнейшая женщина. В лице есть что-то необычное, восточное. Тонко изогнутые брови, взгляд темных продолговатых глаз и своеобразная прическа! Когда разговаривает, лицо оживает и хочется с ней говорить и говорить. В нашей галерее 22 января 1985 г. была открыта ее персональная выставка картин и книг, которые она иллюстрировала. Кто не знает ее рисунков к стихам Зырянова: «Чердынская свадьба», «Посиделки»? Она открыла нового Зырянова, неустанного собирателя народного творчества. Неисчерпаемая тема фольклора интересовала и М.В. Она сейчас – в расцвете своего таланта. Мечтает сделать иллюстрации к произведениям Блока, Марины Цветаевой, ее волнует тема мифов. Рисунок в цвете, над которым она работает, раскроет многогранность ее личности. Ее дипломной работой были иллюстрации к роману Злобина «Степан Разин». А кто не держал в руках сборник со стихами Друниной? Кто не знает «Пермскую кухню», «Стихи о матери»? Рисунки, как замысловатое вологодское кружево, изумляющее плетением. А сколько вышло книг миниатюр с ее иллюстрациями. Среди них веселая, живая, остроумная книга «Скоморохи», в которой отражена Русь, мудрая и беспешая, как гоголевская тройка. Каждая встреча с М.В. – для меня не только праздник, но и эликсир для души. Такие люди наполняют нашу жизнь особым светом!

Интересная молодая женщина с очень выразительными синими глазами и золотой пышной прической. Среди начинающих писателей она пользовалась любовью и иногда уставала от комплиментов, но в то же время жаждала успеха и расположения. Несколько обиженно воспринимала критику товарищей по перу. Всякий раз при встрече она читала свой новый рассказ. Рассказы были короткими и чаще всего из детской жизни. С Ритой у меня особой дружбы не было, но так как она знала, что я учительница и работаю в школе, то пыталась прежде, чем читать для всех, прочитать свой рассказ мне, узнать, что я скажу, как его оценю?! Мне нравились ее рассказы. Я не знаю, как сложилась ее судьба как писательницы, но помню ее ранние рассказы, особенно один из них – «Дорогой подарок». Когда она его прочитала на встрече с писателями, то долго стояла какая-то гнетущая тишина, что ее особенно обидело. Затем кто-то усмехнулся и резко сказал: «Прописная истина!» Вообще по причине молодости или из-за отсутствия культуры, такта молодые начинающие писатели не щадили самолюбия друг друга, считая, что от горькой правды писатель лучше будет писать. Добротой не славились по отношению друг к другу, хотя дружбы не теряли! Кстати, с Борей Ширшовым она дружила и всегда поддерживала его в трудные минуты. Но я хочу остановиться на рассказе «Дорогой подарок» и сказать, что в нем даны вовсе не прописные истины. Было над чем подумать. Мальчику подарили дорогую «игрушку» – собачку Фокса. Он с радостью принял подарок, решил, что с собачкой интересно – можно играть, почувствовать, что Фокс не только игрушка, но и живое существо. Но игрушка не принесла ему радости. Кроме неприятностей, он ничего не получил от подарка. От матери только и слышал: «Не трогай! Не пачкай! Опять с грязными руками схватил игрушку! Иди сначала вымой руки!» О многом можно было подумать, прослушав рассказ. Как далеки бывают взрослые люди от психологии ребенка... Как неожиданно и грубо могут потушить радость, вызвать недовольство, протест и даже озлобленность... Рассказ глубокий!

Много было интересных встреч с этой молодой, начинающей писательницей. Потом она бесследно исчезла, не оставив адреса. Часто вечерами, оставаясь в одиночестве, я вспоминаю многие встречи в Доме журналиста. Там ра-

ботал по вторникам или четвергам литературный кружок. Помню хорошо Молчанову, ее повесть «Лена» была напечатана в журнале «Новый мир». Вспоминаю Волкову, Леночку Плаксину, Знаменскую, Олю Карпову. Оля много стихов печатала в журнале «Работница». Помню молодого Семакина, Крашенинникова, Пах, Давыдычева – сколько бы можно было рассказать о них интересного! Но память давно уже позаметала все тропинки и о людях, и о начале Пермской издательской организации.

Многие из них стали писателями, а Селянкин – этот молодой, горячий, задиристый матросик – сменил свою тельняшку на деловой костюм и даже стал секретарем писательской организации, важным и степенным! Тепло вспоминаю о журналисте Назаровском, об этом несколько наивном и нескладном старичке. Хотелось рассказать о Трутневой, о Волконской, но время уже наложило иные краски, поэтому не пишется.

Март 1981 год

МАХМУД ЭСАМБАЕВ – КОРОЛЬ ТАНЦЕВ – ЯРКАЯ ЗВЕЗДА НА НЕБОСКЛОНЕ НАШЕГО ИСКУССТВА

Беда человечества нашего времени в том, что многие стараются занять чужое кресло, не имея на это никакого права: ни по уму, ни по способностям, ни по призванию. Эта мысль пришла, когда я по телевидению увидела Эсамбаева и в душе зазвучала особая музыка во славу человеческой радости. Это человек особого призвания и таланта! Отказался от кресла министра – вот молодец!

Он всегда жил и живет в своем мире, следуя своему призванию.

Сам Махмуд сказал: «Я танцую уже более полувека. Это мое нормальное состояние – танцевать!» Да еще как танцевать! Махмуд Эсамбаев – единственный и неповторимый! Я считаю за счастье, что мне не один раз посчастливилось побывать на его выступлениях (один раз в Ялте – в Чеховском театре, два раза в Москве). Славы и почестей у него достаточно, зачем ему еще регалии и почести министра? Он как необычный танцовщик признан во всем мире. Зрительные залы всегда переполнены, когда он выступает.

Каждый танец – это необычная талантливая повесть о том народе, чей национальный танец он исполняет. Песня песней! Легенда легендой! Первый академик среди деятелей балета – пусть танцует, не только радуя людей, но и восхищая своим необычным талантом. Жить по указке, по приказанию – разве это для Эсамбаева? Птица всегда в полете. Зачем ей обрезать крылья?! Джигит должен остаться джигитом. Сколько джигитов, крылатых личностей у нас искалечено, потому что их лишили возможности творить!

В глупости и жестокости мало чем отличается одна эпоха от другой. С блеском калечат людей, а люди от этого страдают. Эсамбаев – умница! Ему ли сидеть в мягком кресле и распределять квартиры? (Комсомольская правда. 1992. 24 февр.).

Пусть звучит музыка, а человек – птица радует своим талантом во славу мира, дружбы народов и человеческого счастья.

Эсенбаев – я уже сказала – неповторим! Счастье знать его и видеть хоть один раз, пережить что-то новое, необычное, удивительное.

МОЙ БРАТ ПЕТЯ

Надвигается 1997 год, а я до сих пор не могу осмыслить, осознать, что уже не получу от тебя никакой весточки, что ты не приедешь ко мне и бодрым голосом не скажешь: «С новым годом, сестричка!» Прошло десять лет со дня твоей смерти, а я никак не могу привыкнуть к мысли, что тебя нет. Энергичный, деятельный, полный планов и замыслов, как ты мог оставить этот мир? Не верится, не верится! Первое время я буквально заболела, я не могла произносить без слез твое имя, и десять лет не смягчили остроту боли от этой потери. Уж очень многое нас связывало – не только родственные отношения, но и глубокие родники духовного понимания и близости. И стучит-стучит в голове неотвязное, растерянное и горькое: «Петя, Петя – как же ты мог оставить меня одну на этом свете?!» Ответа нет. И после десяти лет переживаний я не могу сегодня говорить о чем-то печальном. Хочется вспоминать что-то очень хорошее, светлое, радостное, а этого было более чем достаточно в наших отношениях, особенно в дни твоего приезда ко мне или когда я была гостьей в твоём

доме. А это было не редко. Ты всегда был гостеприимен и умел делать отдых интересным и значительным! Вспоминаю лето, проведенное в твоих Гулькевичах! Именно – твоих! Ты их строил, ты их создавал! В одно из воскресений ты водил меня по поселку и рассказывал, что ты построил за последние годы: школу, детские садики, магазины, клуб. По-твоему проекту был создан памятник героям Отечественной войны. Приятно было осознавать, что все это твой труд, твои создания. Ты гордился ими, как отец, рассказывающий о своих детях! На прогулке с нами был директор местной школы – твой друг и приятель, и он все время подчеркивал твою энергию и твою особую талантливость, как бы открывая мне брата.

«Да, наша школа – буквально дворец! Удивительный человек Ваш братец! Какую мне школу построил... – говорил он с гордостью. – Просторная столовая, спортивный зал, библиотека, комната отдыха! А вы не заходили в учительскую? Какая там лепка – это все Петр Иванович! К нам уже на экскурсию приезжают посмотреть на это чудо?! В такой школе и работать в радость!»

Директор собирался сфотографировать школу, чтобы подарить мне фотографию и показать, что мой брат не только строитель, но и художник.

«Он не любит серости – это крылатый художник!» – директор не скупился на похвалы и убеждал, что я должна как-то особенно гордиться своим братом. Я рассмеялась и сказала: «Я его просто люблю, как брата!»

Петя тоже не утерпел, рассказал обо мне как о талантливой учительнице и художнице и даже раскрыл мой альбом с графикой.

– О! О! – воскликнул многозначительно директор, перелистывая альбом и тут же поспешил пригласить меня работать в его школе.

– Нам так нужен преподаватель литературы.

– Уговаривайте, уговаривайте! – пошутил Петя. – И мне будет жить веселее рядом с родной сестричкой!

– Соглашайтесь, ну, чего бы Вам не переехать в наши края? Братец Вам и квартиру какую захочется, построит.

– Не могу! Не старайтесь – у меня же дети.

– «Ну, что дети? Будут в нашей школе учиться.

Петя рассмеялся:

– Да они уже университет кончают.

– Тем более, и они будут работать. Кто они по специальности?

Когда я привела все доводы невозможности переезда, стали разговаривать на другую тему.

Гулькевичи – красивый поселок. Около многих домов росли чудесные кусты роз – пышные, яркие. Около одного из кустов решили сфотографироваться. Уж очень хороши были розы. Эта фотография, как память о Гулькевичах, в альбоме. Мы трое – Петя, я и его жена Зоя. Петя в середине, такой еще молодой, красивый, в вышитой украинской рубашке. Петя в молодости был очень красив, его почему-то все принимали за артиста. Серые глаза, широкие, густые брови. Черты лица правильные, четкие, твердые губы, открытый умный лоб. В нем всегда кипел юмор, он был остроумен, вот его и принимали за артиста. Всегда аккуратный, он любил блеснуть и костюмом. Артист и только. Никому не приходило в голову, что он серьезный, талантливый инженер, любивший и попеть, и поплясать, да и сыграть какое-нибудь важное лицо в любительском спектакле. Ему много раз предлагали кресло министра в Москве, но он предпочитал дело, а трудиться он умел! Был хорошим организатором. После войны он несколько лет проработал прорабом-строителем с пленными немцами – и несколько солидных зданий построены по его проектам в Перми (управление угольщиков и т.д.).

Из Гулькевичей мы решили пройтись до заповедника совхоза. Меня восхищали вишни, которые гроздьями свисали с палисадников у белых домиков. А когда пришли в совхоз, то я увидела такое чудо – поле с помидорами. Огромные гроздья красных помидоров висели среди темной зелени куста, а кусты шли ровными рядами. Это такая картина! Глаз не оторвать! Крупные, яркие, аппетитные помидоры – сколько труда и усилий, наверное, требовалось, чтобы вырастить такой урожай. Петя сказал, что вырастить проще, чем собрать – рабочих рук не хватает! И многие плоды уже лежали на земле. Щедрый край! Директор с Петей посмеялись: «Воткни палку – и та начнет плодоносить!»

А когда вошли в заповедник, чудесам не было конца. Под деревьями валялись спелые жердели – бери ведрами! А вишни – листьев не видно!

«Видите, какая у нас красота! – начал опять директор. – Переезда пугаетесь – перевезем!»

Но Петя уже предупредил, бесполезно уговаривать: «Из-за ребят не пере-едет!» – тогда это у него прозвучало как упрек.

Но и сам он был настоящим отцом – дети для него все, особенно его любимая дочка. В Гулькевичи он поехал работать из-за детей, надо было поправлять здоровье Саши, да и Оля была не из очень крепких девочек. Семья для Пети всегда была святыней, он был в этом отношении очень твердым человеком и ответственным. Когда дети выросли и им нужно было учиться дальше – в институте, он перевелся в Свердловск. Он знал, по себе знал, что значит студенческая жизнь без родителей. Мы рано потеряли родителей и не так просто нам было получить высшее образование. Вернувшись с войны, он заканчивал сначала строительный техникум, а затем уже институт – с семьей! От природы был очень одаренным человеком, но вечные перегрузки сердца сказались на его здоровье! Великий труженик, он вечно что-то строил, изобретал и мечтал еще многое сделать, выйдя на пенсию. Он почти не отдыхал. И вот однажды пришел из своего сада в хорошем настроении. Все привел в порядок. Утром соби-рался на работу, приглашали сделать несколько проектов. Но следующего утра уже не было. Вечный труженик, он тихо ушел из своей очень деятельной, кипучей жизни!

НАРОДНЫЙ ХУДОЖНИК С.ШИЛОВ

Интересный человек, с огромным знанием жизни, своеобразным взглядом на искусство, интересный собеседник, мудрец и философ. Выставка его картин в феврале 1991 г. к шестидесятилетию со дня рождения – событие необычное, это праздник мысли, творческого горения. В одной из бесед он с достоинством и искренностью заявил: «Свою биографию я делал сам!» В этом признании – гордость за сделанное – гигантский труд! В его картинах отражены наша эпоха, наши люди – необычные человеческие характеры – сложные, разнообразные, неповторимые. Художник постигает до величайших глубин суть человека и умом и сердцем. По жизни, видимо, художник как бы идет с огромным зеркалом, в котором отражается вся ее сложность, постигается глубина и своеобразие происходящего! Шилов прошел путь от простого грузчика

до художника высочайшего уровня. Об этом свидетельствует его биография. Рос без отца, в бедности, ему рано пришлось задуматься о том, как жить дальше. Встреча с Локтевым – поворотный момент в биографии. С.Шилов поверил в свое призвание, назначение, талант. Со всей страстью он отдался тому, что стало призванием, шел только «вперед». Талант без знания жизни, ежедневного наблюдения, изучения – еще не главное. Чтобы создать прекрасные полотна, художнику нужна жизнь кипучая, деятельная. В каких только местах не был С.Шилов – и госпиталь Бурденко, и монастырская келья, и изысканный салон красавиц. Художник не только восхищается женской красотой, он умеет и приоткрыть ее секреты. Его бесчисленные Татьяны Ларины – это интересные находки нашего времени, новые открытия! Можно ли без волнения стоять перед картиной «Мать Таисья», в которой раскрыты глубина и доброта женского характера. Не рассказать обычными словами о замечательных портретах Шилова. Они удивляют, восхищают своей правдивой выразительностью. Художника иногда упрекали в натурализме, но в этих упреках нет справедливости. Кажется, позирующий вот сейчас сойдет с полотна и заговорит. Он весь здесь – со своей сущностью, характером. Особенно выразительны у изображенных на картинах глаза. Ветераны войны, митрополиты, игумены, священники, крестьяне, старые женщины из заброшенных глухих деревень, одинокие старики – все живут на полотнах художника.

Рассказывают, что мать Высоцкого приходила к С.Шилову и умоляла его написать портрет сына, но он отказал: «Не могу! Не могу! Фотография не поможет!» и только когда услышал по радио песню «Чуть помедленнее, кони» пришло к нему желание написать портрет Высоцкого. Первая выставка художника в 1991 г. на улице Горького – начало победного шествия. Он выставлялся не только в России, но и в других странах: Японии, Португалии, Канаде и т.д. Признание и успех сопутствуют его таланту!

НИНА ПЕТРОВНА ЗОБЫЧЕВА

У Бердичевской есть стихотворение «Я знаю, как сделать друга» – этой истиной я не обладала, но у меня всегда были интересные друзья, люди не-

обычные, «с искрой божьей», с крылатой душой. Такова была Нина Зобычева – учительница. Особый смысл наша дружба приобрела и стала более трогательной, когда мы начали работать в совете ветеранов. У Нины не было некрасивой старости, она всегда была красива, даже в свои семьдесят лет! Где бы она не появлялась – на нее обращали внимание, поскольку обладала выразительной красотой пожилого человека. Мужчины не скупились на комплименты, и она еще больше расцветала в своем женском обаянии. Всегда была скромно и со вкусом одета, очень любила гипюровые воротнички к платью и белую панаму, накрахмаленную и оттеняющую серебро ее волос. Глаза живые, будто подкрашенные голубизной небес. Нет, право, до чего она была хороша! Сердце Нины было щедрым на любовь, она любила и ее любили. Ей объяснялись в любви, писали стихи в честь ее красоты и пламенные письма. Но все это как-то не меняло ее образа жизни, все чувства были отданы сыну: как его одеть и получить накормить. Избалованный ее неограниченной любовью, он со спокойной совестью оставлял своих жен, предпочитая охранять свою независимость под крыльшком матери. Но забота о сыне не мешала ей быть внимательной к другим людям. Нина Петровна организовывала интересные экскурсии, поездки на пароходике, летнюю дачу для учителей-ветеранов. И как она успевала – какая в ней была энергия! Она вела очень активную жизнь. Без ее участия не проходил ни один вечер в Доме учителя. Когда мне приходилось выставлять там свои работы, Нина была первая помощница и притом умелая, обладающая особым вкусом. Это я так в ней ценила! Нас связывала не только работа, но любовь к музыке и поэзии. Мы с ней не могли наговориться, очень хорошо понимали друг друга.

Большие праздники мы чаще всего встречали вместе. Нина проявляла все свои кулинарные способности, в ее доме обычно праздничный стол ломился от яств, как в сказке: и рыба, и пироги, и пельмени, и желе, всевозможные торты. Удивить она умела! Чего только не придумает! У нее всегда было чисто, уютно, красиво. Уходить от нее не хотелось, и я часто оставалась ночевать, не обо всем еще переговаривали! Сын был для нее не только счастьем и радостью, но и болью. Зачем он опять ушел от Тамары? А у нее сердце болит! Взрослые сыновья, когда у них не устроена жизнь – это сплошные переживания! Начнешь ей внушать: «Ну, чего ты, Нина, волнуешься? Ему уже пятидесятый год, а ты все

его опекаешь, как маленького!» Но никакие доводы не действовали! Рано потеряв мужа, она из-за сына и замуж второй раз не вышла. Сын, сын, сын – все ее великое счастье! Действовал один закон: «Жила ради него и доживала!». Взрослому сыну и в голову не приходило, что его красивая мамочка раньше других уйдет из жизни из-за этой жертвенной любви. Смерть Нины всех потрясла – и долго еще в Совете ветеранов вспоминали о ее доброте и кипучей деятельности, красоте и щедрости. Да, Нина Петровна Зобычева – прекрасная учительница, яркая личность. И тот, кто знал ее, всегда был наделен ее радостной заботой.

О ЕВГЕНИИ ФЕДОРОВНЕ ТРУТНЕВОЙ

Здравствуй, здравствуй, Евгения Федоровна, друг мой славный! Так иногда хочется посидеть рядышком, поговорить. О чем? – да обо всем, что волнует. Помнишь, как бывало сидели мы в театральном садике или на могиле твоего мужа (ты до конца сохранила верность этой любви)? Вспомним твои рассказы о семье Вишневских, которые взяли тебя сиротой на воспитание, о том, как училась в гимназии и увлекалась поэзией, рано начала работать, кажется, в 1911 г., классной наставницей.

Слава писательницы, пришла к Евгении Федоровне поздно. Первая книга вышла, когда ей уже исполнилось 55 лет, постепенно росла популярность. Для меня она всегда оставалась доброй, тихой и умной приятельницей. Ее муж очень любил природу и эта любовь потом была высказана в стихах. Мне особенно нравилось то, что в ее поэзии было много открытий. Евгения Федоровна – это великий знаток детской души. В более поздних стихах всегда звучала музыка («Осень», «Ветер», «Гроза»). Был ли кто-нибудь в детской поэзии ей равным?! Великая – «и в памяти сердца, и в памяти глаз» – о чем бы не писала. Человек – всегда тайна! Как и в Бажове, в Евгении Федоровне многое было сокрыто (кладовая чудес!) и в минуты особого настроения эти тайники приоткрывались. Я лишь позднее узнала, что у этой поэтессы, жаждущей любви и понимания, не было родителей. Не этим ли объяснялась особенность этого человека?! Кто мать? Кто отец? – так и осталось для нее тайной. В семье Виш-

невской ей, кажется, все было дано – и воспитание, и образование. Счастливыми были и годы замужества. Но смерть мужа – огромное горе – надо было пережить. Годы почти каждый день она ходила на кладбище и среди кладбищенских берез, у могилы мужа, были написаны лучшие стихи. У нее не было детей, но как глубоко она знала детский мир, психологию ребенка! Стихи ее удивляли необычным открытием мира. Не одно поколение вырастало, соприкасаясь с поэзией Евгении Федоровны. Обидно, что теперь так мало печатают ее стихи. Не выходят и отдельные издания – и сколько от этого теряют дети! Она не только друг детей – это мудрая мать, воспитатель! Придет время, я в этом уверена, еще обратятся люди к чутким стихам умной писательницы.

О ПИСАТЕЛЯХ, КОТОРЫХ Я ЗНАЛА, С КОТОРЫМИ ВСТРЕЧАЛАСЬ В ДОМЕ ЖУРНАЛИСТА

В этом году, в январе, (1996 г.) писательская организация будет отмечать свое пятидесятилетие! Хотелось бы многое вспомнить, ведь я стояла у ее колыбели, сколько было не только интересного, но и значительного! Со многими писателями я не только встречалась, но и дружила: Верой Пановой, Е.Трутневой, Молчановой, Радкевичем, Ширшовым, Кузьминым, Домниным, Правдиным, Спешиловым, Михайловым. Память уже многое унесла в забвение, но иногда и возвращает события былого. Помню, как с Трутневой часто сидели в театральном садике и обсуждали ее трогательные детские стихи. С Верой Пановой говорили о ее романе «Спутники», несколько раз решали – сделать ли главного героя счастливым в его семье? Как поступить с Леночкой Огородниковой? Тем было множество и так было радостно открывать друг другу сокровенное! Я работала тогда над романом о школе «Обыкновенные люди», который впоследствии много раз переписывался и переделывался (печатать на машинке не было средств) и в конце концов Клавдией Рождественской был утерян окончательно. Это меня так потрясло, что я заболела и надолго. Так я не стала писательницей. Мои очерки и рассказы потонули в дебрях редакций. Стриженов, Воробьев, выпускали их, многое изменив, даже имена действующих лиц. Владимир Воробьев вообще был нечист на руку. И если хо-

рошие воспоминания сохранились о Борисе Михайлове или Спешилове, то были и такие, которые ловили чужие мысли, чтоб самому их использовать. Евгения Федоровна всегда мне говорила: «Перестань ты с ним откровенничать!» Я была молода и наивна в те годы и кипела начинаниями, как же ими не поделиться?! Тетрадь о первых встречах с писателями тоже исчезла. А жаль! Там были трогательные и мудрые советы Бориса Михайлова. Это был человек особой доброты и чуткости! Его приняли в писательскую организацию одним из первых – родоначальник Пермской организации! К Е.Трутневой поздняя слава пришла со всей своей щедростью. К ней очень хорошо относилась Л.С.Римская. Огромной души человек, она пестовала многих и благословляла таланты. Разве не благодаря ей стали широко известны Вера Панова, Правдин? Это она (редактор издательства) помогла окрепнуть таланту таких поэтов, как Домнин, Радкевич, Ширшов и многих-многих других. Теперь писательская организация состоит из 25 человек, а вначале было четверо. Кстати, о Римской надо рассказать подробнее. Она была чуткой матерью и для тех, кто в годы войны оказался в Перми – Каверина, Аркадия Первенцева, Тынянова, Слонимского. Вера Панова – кто ее знал? Это позднее она стала автором романов «Спутники», «Семья Пирожковых», «Евдокия», «Ясный берег» и т.д. А Трутнева?! А Вечтомова, Евгений Пермьяк, Анатолий Григорьевич Дактиль – автор марша Буденного, «Марша энтузиастов»? Людмила Сергеевна Римская – вот кто помог им достичь успеха и должен быть занесен в книгу славы и гордости литературной Перми! Вот кто должен украсить страницы «Золотой книги»! Сама она не писала, но помогала другим развивать дарование. Наверное, к юбилею будет рассказано и о тех писателях прошлого, кто побывал в городе, ошастливил Пермь: Чехов, Короленко, Маяковский, Каменский, Татьяничева, Бажов. Сейчас вместо Селянкина писательскую организацию возглавляет Лев Иванович Кузьмин. По образованию он архитектор. Работал в Ленинграде, Новокузнецке, Харькове, Казахстане. В Перми с 1955 г. Да, кстати, в Перми побывали еще и Луговской, Д.Бедный, Жаров, Караваева. И с ними я встречалась. В нашем городе начал свою литературную деятельность А.Гайдар – вот о нем непременно надо сказать. Семнадцать лет он здесь формировал свой батальон, потом работал в газете «Звезда», в Перми повстречал и свою будущую жену – Раю Соломацкую. В нашем городе была напечатана повесть «Р.В.С.», а в газе-

те «Звезда» опубликовано более 200 очерков и рассказов. Из-за одного фельетона («Дело Филатова») Гайдар попал даже под суд. Он погиб в 1941 г. Паустовский был в Перми два раза, был и Шишков, который до конца жизни переписывался с профессором Богославским.

Словом, если все вспомнить о литературной жизни Перми, то мне понадобится сто тетрадей, чтобы рассказать о Бажове, Слонимском, В.Пановой. Какие дорогие для меня имена!

ПАМЯТИ Г.М. НЭЛЕПША

«Вы мой восторг, мое мученье», – слышится в эфире живой голос удивительного солиста ленинградского оперного театра... Этот человек – прекрасная легенда, сказка, живительный сон из пережитого в годы войны. Нэлепп Георгий Михайлович – яркая страница и в моей жизни.

Война. Город затемнен. Живет трагическими известиями Левитана – с поля войны. Мрак. Холод. Печаль. Тревога. Ужас и страх за тех, кто там, на фронте. И в этом мраке печальных дней появляется Мариинский театр с его талантливыми артистами. Один из них – самый яркий – Георгий Михайлович Нэлепп. Какими словами рассказать о нем?! Мне выпало огромное счастье слушать его в операх «Чародейка», «Садко», «Кармен», «Черевички», «Пиковая дама». Это был неподражаемый Герман. Каждый его образ – произведение искусства. Но я была счастлива не только тем, что слышала его голос, но и тем, что встречалась с ним. В годы войны артистам часто приходилось выступать на площадках перед бойцами, едущими на фронт, в госпиталях, а чаще всего перед уходом поезда, на вокзале.

Обычно мне поручали сказать вступительное поэтическое слово перед концертом. Благодаря этим суровым дням войны мы как-то особенно подружились с Георгием Михайловичем. Нет, это была даже не дружба, а что-то большее. Ведь я смотрела на Георгия Михайловича, как на недосыгаемую вершину, как на солнце, на которое иногда и радостно и боязно смотреть. Но человек тянется и к вершинам, и к солнцу. Я, молодая, задорная, еще не очень смелая учительница, часто терялась и робела перед своими выступлениями и Георгий

Михайлович, как-то очень чутко улавливал это волнение, страх и радость и умел поддержать, подбодрить, приподнять настроение. Со всей щедростью своей богатой натуры, широкой души и интеллекта, мудрого и тонкого юмора, Георгий Михайлович помогал обрести уверенность. Мне была дорога каждая встреча с ним. Пробуждалось неизведанное еще чувство поклонения прекрасному. Надо было видеть, как это чувство пробуждалось и у тех, кто уезжал на фронт. Георгий Михайлович окрылял человеческую душу.

Звучит прекрасный голос Георгия Михайловича под сводами вокзала, а сурово сосредоточенные лица бойцов становятся совершенно иными, они и там, на фронте, слышали этот дивный голос, несущий добро, счастье, надежду, свет и радость.

Георгий Михайлович Нэлепп... Воспоминания о нем всегда останутся святыми и яркими. Вот закончился спектакль «Чародейка», где он пел всегда с Кошеваровой, ты идешь по зимнему городу в этой кромешной темноте и тишине, и чистые, светлые чувства переполняют душу. Обладая не только голосом, но и огромным артистическим талантом, он создавал неповторимые до потрясения образы. Его Герман – это чудо!

«Что наша жизнь?» Да что мы знаем о жизни? Плынут-плывут воспоминания. А его Вертер?! «Я вижу рай, я в нем живу!»

Давно уже нет Георгия Михайловича, но иногда мне кажется, что звучит его голос с небес – неповторимый и волнующий.

В последний раз Г.М.Нэлепп выступал в 1957 г. в роли Собинина (опера Глинки «Иван Сусанин»). Знал ли он, что это последнее его выступление? Что мы знаем о жизни и смерти? Ничего. Пройдут десятки лет, а может быть, и сотни, но чудный голос всегда будет волновать, утверждая, что прекрасное в мире не умирает!

Декабрь 1988 г.

ПАМЯТИ ЯШУГИНА

Кажется, чем труднее живется народу, тем он сильнее тянется к искусству. Это чем-то напоминает особое очищение души – исповедь! Причастие! Как

люди ходят в храм, я ходила в театр – в это святилище света и красоты. Великий храм – оперный театр, где во время войны работала Мариинка, ленинградский оперный театр. И каждое посещение театра – очищение, соприкосновение с красотой, великий праздник для души! О многих солистах: Нелеппе, Фрейдкове, Яшугине мне бы хотелось рассказать, ибо я знала этих людей не только как артистов, но и как друзей, с которыми приходилось общаться вне театра, в поездках по области, в небольших выступлениях на рабочих площадках, на вокзале перед отправкой бойцов на фронт, в госпиталях, в доме Советской Армии, в военных лагерях (я в то время уже работала внештатным лектором городского лекционного бюро). Обычно перед концертом я рассказывала собравшимся о поэзии, о новинках литературы минут десять-пятнадцать. Потом выступали артисты, и мне часто приходилось с ними встречаться. Хочется рассказать о Яшугине. Он чаще других выступал в Доме учителя и тепло, и проникновенно относился к учителям. Небольшого роста, плотный, широкоплечий, он обладал сильным, глубоким, бархатным голосом. Запоет – и кажется, раздвигаются стены, все наполняется этим сильным, покоряющим голосом, и невольно светлеют лица слушателей. Особенно он творил чудеса, выступая перед бойцами, отъезжающими на фронт. Он брал в плен всех, кто его слушал. Чаще всего он исполнял народные песни и романсы. «Не шумите, ветра буйные», «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан». Какая силища была в этом голосе! По радио я никогда не слышала, чтобы передавали эти песни в исполнении Яшугина. Неужели он ушел из жизни, не оставив будущим поколениям памяти о своем таланте? Часто звучит по радио «Блоха» в исполнении Шалапина, но мне всегда казалось, что в исполнении Яшугина больше красок, драматизма, глубины. Его песни, вернее, исполнение их, жили по своим законам. И сколько бойцов, уезжая на фронт, увозили в душе его голос, могучий, сильный и его щедрую душевную теплоту. Наверное, это о нем писал Межиров:

И казалось, грустить не причина
И лишь только заслышу запов,
Как горит, догорает лучина,
Сердце падает, оторопев.
Эту грусть не убью, не утешу,
Не расстанусь, останусь в плену.

А его Сусанин – можно ли забыть его? Все русское, честное, жертвенное и любящее – все в этом образе. Яшугин никогда не выступал в «полсилы» – он щедро дарил свой талант людям. Может быть, поэтому и ушел так рано из жизни! Кто знает? Но в моей памяти – жив, жив! И в каких бы условиях ни оказывались артисты, он всегда приподнимал настроение – шуткой, советом, теплотой, сердечностью. Когда я терялась перед возбужденной толпой вокзала и думала: «Успышат ли меня?», то Яшугин непременно шутил: «Плохо будет, кивните мне, мигом усмирю своим басом!» Да, да, звучал, звучал этот могучий голос, полный жизни, огня, красок, вдохновения!

Несмотря на суровое время, такие люди, как Яшугин были щедры на проявление самых лучших чувств.

Пусть живет в моей памяти этот человек с истинно русским добрым характером!

ПЕРСОНАЛЬНАЯ ВЫСТАВКА ПЕРМСКОГО ХУДОЖНИКА АНАТОЛИЯ НИКОЛАЕВИЧА ТУМБАСОВА

С этим человеком мне приходилось часто встречаться в Доме журналиста, бывать в его студии, сидеть за одним столом в дни рождения его друга – В.В.Молодцова или А.В.Е. Иногда посещал он и наш литературный кружок на Моховой. Как же не прийти на его персональную выставку?! Сразу отмечу, что это выставка плодовитого художника. Он только что вернулся из интересного путешествия и привез много новых полотен. Вот пейзажи: «На берегу Хатанги», «Долина реки Катуй», «Таймыр», «Осень на Таймыре» и «Первые заморозки». Эти полотна пробуждают чувство какой-то свободы, стремление побывать в тех местах. По характеру своего дарования Анатолий Николаевич – лирик, тонко чувствующий природу. Особенно ему удаются весенние пейзажи: «Теплый тихий май», «Речка Каяк», «Тихая пора», «Утро подснежников», «Река Сытва». Все живо в них, и, глядя на некоторые полотна, переживаешь не только волнение, но и ощущение полета, как будто зазвучала прекрасная музыка – тихая, задушевная, зовущая. Ну, можно ли остаться равнодушной и ничего не пережить, глядя на картину «Перезимуют»? Бедные воробышки на веточках...

Много полотен, которые рассказывают о настроениях, о переживаниях самого художника среди природы: «Седой май», «Грачиная весна», «Сорочьи раздоры», «Вечер», «Весна на Сухой речке», «Ветлан на Колве». Особый интерес вызывают и старые уголки г. Перми – память о начале XIX в. Многие уже снесено, перестроено, а у Анатолия Николаевича на полотнах живет! Из натюрмортов привлекают те, что с рябиной. Видно, что горячо любит художник нашу уральскую рябину, она красуется на многих полотнах: «Рябинка», «Рябинка с грибами», «На газете», «Грибы да рябинки». Много полотен, которые отражают трудовую жизнь пермяков. Настоящая летопись! «Нижнекамская ГРЭС», «Старый Чормозский завод», «Перекрытие Камы» – да разве обо всем расскажешь? Живет в городе тихий, скромный художник и, кажется, даже ничем не приметен. Взгляните на его «Автопортрет» – узенькие, острые глазки, тихая улыбочка на лице, на голове кепочка и как фон, для дополнения, листья рябины. Простота русская! Но так ли он прост? В портрете не выражен полностью характер его, дан только намек – благодушие, лирическая простота, наивность, но при этом возникает ощущение, что художник хочет сказать: «Я загадка!» Да, так и есть. Надо знать этого человека, чтобы понять всю глубину этой простоты, и на первый взгляд, наивности. Титаническое трудолюбие! Он и художник, и писатель, и журналист! Сколько написано картин, сколько напечатано в газете «Звезда» его очерков с рисунками, сколько выпущено книг! Да, титан трудолюбия! Он может для всех послужить примером!

На выставку приехал его любимый учитель! Да и как можно не любить такого человека?! Плотный, небольшого роста, седовласый, с очень приятным голосом и яркими, горячими, карими глазами – с живым и подвижным лицом, он сразу вызывал к себе чувство симпатии. С ликующей радостью и гордостью, трогательно он рассказывал о своем талантливом ученике. Анатолий Николаевич оправдал его надежды! Учитель и ученик – сейчас большие друзья! И объединяет их общая радость от проделанной работы. Если учитель и не достиг таких вершин, как Анатолий Николаевич, то его подвиг еще значительнее – он воспитал великое талантливое племя учеников, разбуженных, чтоб творить красоту и радовать людей. В этот день, на своей персональной выставке, Анатолий Николаевич был возбужден, радостен, словоохотлив. Сделано много, но еще больше предстоит сделать!

СЕРГЕЙ ЯКОВЛЕВИЧ ЛЕМЕШЕВ

Есть личности, встреча с которыми не только радует, волнует, но и не обрывается, а длится. Они, как свет далекой звезды, как вечный и самый яркий праздник твоей молодости, твой свет, твоя душа! Такой личностью для меня всегда был Сергей Яковлевич Лемешев. Еще совсем не зная искусства, не имея понятия об опере, я первый раз купила билет в Свердловский театр, где выступал С.Я.Лемешев. Я была потрясена. После спектакля не спала всю ночь, пытаюсь понять, что же со мной произошло? Да, я лежала до утра с открытыми глазами и думала-думала, как можно так петь? Невольные слезы – от радости, от восхищения, застилали глаза. Что за волшебство?! Все как в сказке! И все последующие дни ходила под впечатлением спектакля. Не это ли побудило записаться в театральную студию? Еще раз увидеть, услышать Лемешева! Но в Свердловске он пробыл немного – его пригласила Москва. Мечта стать актрисой не покидала, в студии я занималась с полной отдачей душевных сил, но для меня все это закончилось неожиданно и почти трагично. Вызвали в районо и вручили назначение в одну из школ села. Отъезд – это крах всего, чем жила последнее время. Отказаться не было возможности – грозило исключение из комсомола, а в те годы это было равносильно смерти! Став заведующей школы, погрузилась в дела и хлопоты, но осталась память о солисте, как призыв, как светлый луч к счастью. Вторая встреча была ближе к реальности – не с артистом, а с человеком крылатой души, чрезвычайно интересным собеседником. Я лечилась в Крыму – заболела! И в это же время в том же санатории лечился С.Я. У него был туберкулез горла. В нашей палате жила молодая, очень красивая женщина – Ниночка Жвирко, эстонка, красоты необыкновенной! С таких, как Нина, только картины писать! И вот эта Ниночка безумно влюбилась в Сергея Яковлевича, и он был счастлив и отвечал ей взаимностью. Это заставило его многие часы проводить у нас в палате. Нина была больна серьезно, но не обращала внимания на свою болезнь и буквально сгорала на костре своей любви. «Ниночка, не ходи на танцы, долго не сиди вечерами у моря – у тебя же высокая температура!» – говорили ей. Никакие советы не принимала – лишь бы видеть С.Я., говорить с ним, быть рядом. «Ой, девочки, – с восторгом говорила она, – какой у него голос – сегодня он опять пел!» Да, пел, умоляя профессора

спасти ее, он даже устроил платный концерт, хотя ему врачи строго-настрого запретили в это время петь. Для Ниночки он не жалел ни времени, ни денег. Ей уже не помогали никакие лекарства, хотя для нее он достал стрептомицин, что для нас в то время было только мечтой. Часто ей говорил: «Ниночка, потом я для тебя буду петь! Специально!» С какой трогательной интонацией он всегда исполнял «На Кубани есть одна столица!» Ни красота, ни любовь, ни забота – ничто уже не спасло Нину для С.Я. Ее смерть была таким потрясением, о котором даже трудно рассказать. Он сразу покинул санаторий. Потом я долгие годы не слышала его голоса, но когда он вновь запел, то в его голосе появилась трогательная теплота, он стал проникновеннее, выразительнее. Соловей, соловушка, как он согревал своим пением озябшие души! Одно сознание, что я знала этого человека, общалась с ним, наполняет душу особой радостью и теплом! Это особое чудо! Такие люди украшают мир своим талантом! Соловей – соловушка! Даже в 70 лет он пел арию Ленского с той же трогательной страстью. Да, в веках останется этот проникновенный голос, а я с особым чувством вспоминаю каждую встречу.

СЕРГЕЙ ЯКОВЛЕВИЧ ЛЕМЕШЕВ (ВТОРАЯ ЗАПИСЬ)

В жизни каждого человека есть особые имена, которые живут в глубинах сердца. Они согревают и радуют, при воспоминании о них все вокруг начинает лучиться радужными красками – таково для меня имя Сергея Яковлевича Лемешева. Сергей Яковлевич Лемешев – не только гениальный певец, солист с мировой славой, но и удивительно мягкий, интересный человек и открыватель нового, еще малознамого мира, остроумный рассказчик. Крым. Голубой вечер. Такие ярко-голубые вечера бывают только в Крыму. Мы сидим на веранде: Ниночка Жвирко, Е.В.Щукин, Наталья Алексеевна и Лемешев. Он рассказывает о своих первых шагах на открытой сцене – счастливых днях в солнечной Грузии. Для него, начинающего солиста, это была особая школа – школа постижения народно-песенного творчества Грузии. Лемешев восхищается народным творчеством, изобилующим мягкими и звучными голосами. Оперная культура в Тбилиси стала развиваться во второй половине прошлого столетия. В

1851 г. была даже приглашена специальная труппа под руководством дирижера Борвиери. Лемешев красочно рассказывал о постановке «Севильского цирюльника», «Нормы»! Я – совсем безграмотна в этой области, поэтому с вниманием ловлю каждое его слово о горячих мелодиях Россини, Беллини, Доницетти, Верди. Все это для меня так ново, так интересно. Узнала, что в Москве, в Большом театре, он пел только с весны 1931 г. в операх «Снегурочка» и «Пак-ме».

В эти тихие крымские вечера друзья (Сергей Яковлевич и Щукин) совершали длительные прогулки, разговаривая об искусстве. В беседах они часто упоминали имя Станиславского. Советовались, как учить партию Ленского. Как дети иногда, буквально с открытым ртом, слушают интересные сказки, так и я внимала всему, что порой – в минуты особого подъема и настроения – рассказывал Лемешев. Однажды он заметил, что ему даже и не снилось его пение на сцене Большого театра. Деревенский паренек просто пел, как поют птицы в лесу, катаясь по реке в лодке и уезжая с друзьями в ночное. Он ли пел или душа пела, но ему было даже забавно – так далеко-далеко раздавался голос по воде в вечернюю пору. Однажды его услышал заведующий школой Квашнин. Это был человек образованный. Пел и играл на рояле, неплохо рисовал. Ему было предложено в небольшой усадьбе открыть художественно-ремесленную школу. В этом ему помогали жена и сестры. В семье Квашниных поллюбили Лемешева. Он участвовал во всех школьных концертах, потому и возникло желание уйти из деревни в город – стать артистом. Целеустремленность семнадцатилетнего паренька так была велика, что он не задумывался о том, как будет жить, на что существовать – лишь бы петь!

Лемешев – это второй Ломоносов – богата земля русская талантами. В Твери он встретил товарища, который предложил ему поступить в кавалерийскую школу. Привлекла форма гусара, почему бы и не поступить! Стал участвовать в самодеятельности. Волнующий мир звуков заставлял нередко забывать военные занятия. Через полтора года ему предоставили возможность получить командировку в ленинградскую кавалерийскую академию (он был очень ловкий – знал лошадей и умел с ними обращаться!). Но мечта поступить в консерваторию не давала покоя. Почему бы не сделать крутой поворот в жизни? И он сделал, несмотря на трудности при сдаче экзамена. Сильные люди

всего достигают. Не так был прост путь Сергея Яковлевича к славе, но это не сломило его, всегда удивляла в нем особая теплота и глубокий интерес к людям. Он никогда не рисовался, а как-то просто и доверительно разговаривал с нами. Ниночку Жвирко в эту прекрасную пору он полюбил искренне и горячо и, зная, что она обречена, всегда старался быть жизнерадостным и остроумным!

Она расцветала в его присутствии – была так хороша! Очень интересно рассказывал Сергей Яковлевич о вступительных экзаменах и о студенческих годах своей жизни. О профессоре Файском вспоминал с особой теплотой! Пережил Лемешев и минуты страха и неуверенности – не так просто деревенскому пареньку без особого образования и воспитания постигать шедевры мирового искусства. Нужно было совершенствовать вокальное мастерство, изучать музыкальную культуру и сценическое искусство (как ходить по сцене, как сесть, как встать, сделать тот или иной жест)!

Сергей Яковлевич в Харбине – это особые страницы его рассказов. Там дирижировали тогда А.М.Позовский и Я.Позен – для меня эти имена в то время были пустым звуком. Поэтому я с таким теплым чувством вспоминаю С.Я.Лемешева – он для меня был академией в познании искусства. Щукин при нас был не очень словоохотлив – он чаще уводил от нас Сергея Яковлевича, чтоб поговорить о серьезных проблемах театральной жизни.

Никогда не слышала Лемешева в образе художника Билли (опера «Трильби», музыка Юрисовского) – это тоже его удача! Сколько же партий спел Сергей Яковлевич! Для певца ведь основное – это красиво звучащий голос, который вызывал бы в слушателе особое настроение и переживания. Лемешев – лирический тенор – и какой! У него свой вокальный почерк – разве его можно с кем-то спутать?

В Крыму ему строго-настрою было запрещено петь, у него заболело горло. Все так волновались! Но он часто тихим грудным голосом напевал ту или иную арию. Он не умел жить, не работая над собой, и усиленно готовил романсы Чайковского!

Прошли годы. Давно уже нет Ниночки Жвирко (его песни – песней. Он как художник не мог остаться равнодушным к такой красоте). Давно ушли из жизни Наталья Алексеевна, П.К.Щукин, нет и Сергея Яковлевича, а святые

воспоминания остались святыми в чистоте и яркости пережитого! Пусть бессмертны будут их имена!

СЛАВНОЕ ИМЯ ПЕТР АРТЕМЬЕВИЧ ОБОРИН – ХУДОЖНИК

У нас как-то уж очень быстро исчезают из памяти воспоминания о тех людях, которые составляют и честь и славу родного города! Многим ли известно имя Петра Артемьевича – талантливого художника? Человека с крылатой душой и горячим сердцем? В своих воспоминания о нем хочется найти такие краски, чтобы они сверкали и переливались, как это свойственно его произведениям. Он был певцом родной природы, людей, со всей их сложной и загадочной жизнью. Они живут на его полотнах, как та трогательная девушка на картине «Первый успех». Бывая на выставках Оборина, я всегда переживала не только чувство волнения, восторга и изумления, но и глубокое потрясение. Как много этот человек подарил людям красоты, открыл новые границы для восприятия? Каждая выставка – это праздник для души! Но мне особенно запомнилась выставка 1986 г. кажется, юбилейная, по случаю его семидесятилетия. Человек с мудрой, доброй улыбкой так трогательно рассказывал о своих прекрасных детишках – ни одно полотно не повторяло другое – и каждое было новым открытием. Какой богатый мир! Можно ли не остановиться и не поразмышлять около картин «Собеседник», «Первый успех», «Накануне». А его пейзажи – в них сама жизнь! «Звездная ночь», «Оранжевый ветер», «Тост» – легкость, задумчивость, сказка «Пляска огня» – нужно уметь увидеть такое, это подарок зрителям! Много картин, если можно так сказать, бытовых, которые заставляют задуматься, зачем мы так живем? Почему так беспечно относимся к прекрасному и не замечаем красоту? Таковы «Жестокость», «Культурный отдых». Посмотри человек на себя со стороны! Задумайся! Я уже сказала: все работы Оборина интересны.

Выставка была открытием, душевным разговором со зрителем. Оборин – коренной уралец. Родился в 1917 г. в Лысьвенском районе в семье катальщика жести. Желание рисовать проявилось очень рано – задолго до школы, но не было бумаги, красок. Жизнь небольшого городка не дарила яркие впечатления.

Первое потрясение пережил, когда увидел, как учитель нарисовал портрет Ленина. При доме культуры работал кружок по рисованию – захотелось стать художником. Позднее учился в Пермской художественной школе. Во время войны в агитмастерской делал плакаты при заводе. Начал писать портреты передовиков. Самыми интенсивными и плодотворными были 50-60 гг. «И вот на выставке – юбилейной – смотришь на себя, как бы со стороны, что сделал и как? После выставки относишься к себе еще более требовательно!» – говорил художник. С любовью он вспоминает художника Зеленина – и с сожалением отмечает, что огромное его богатство – великолепные картины находятся «на руках», жалеет о том, что в Перми не открыта галерея местных художников – не останется памяти для будущих поколений! Разве мало сделали наши художники – Доришев, Шорина, Камилова?

Петр Артемьевич умел задушевно, с особым проникновением рассказывать о своих товарищах-художниках. И его картины ждет та же участь – поплывут где-нибудь в запасаниках – и потом совсем забудутся! Картина, как ребенок, требует ухода, бережного отношения. Надо отметить в Оборине и способность приобщить зрителя к этому загадочному миру творчества – этим особенно отличались его выставки. Добрый, щедрый человек – разговаривать с ним было всегда интересно, и я вспоминаю о нем с теплотой.

СПИТ «ГАЛЧОНОК». ПАМЯТИ ГАЛИНЫ КУЗЬМИНИЧНЫ ВАСИЛЬЕВОЙ

Как начать рассказ об этой талантливой, чуткой, необычайно тонкой и интересной актрисе Пермского академического театра? С каких воспоминаний о дружбе и загадочно необъяснимых днях доверия и близости?

Галина Кузьминична Васильева – актриса, а для меня просто Галочка, Галчонок, как звал ее в дни своей горячей любви Николай Николаевич – главный режиссер драматического театра. Как мы с ней познакомились? Как подружились? Об этом долго рассказывать, но я часто бывала в квартире Доставлевых и заставляла там Галину Кузьминичну, которая приезжала из Краснокамска в свой прекрасный дом – такая оживленная, такая счастливая, и очень ин-

тересно рассказывала о новых постановках и о спектаклях, в которых участвовала. Это была пора ее любви, счастья и цветения. А счастливые люди всегда очень щедры на добрые отношения. Меня всегда интересовали ее загадочные отношения с Николаем Николаевичем. Приедет и так это мило: «Здравствуй, Коллошка! Как дела? Что нового? Как ты себя чувствуешь?»

А он так же тепло и доверительно скажет: «Устаю, Галинка! Очень устаю!» И тут же спросит: «Ты к нам надолго?»

Вот уж была загадка – такие отношения. Ни для кого не было секретом, что Галина Кузьминична уехала в Краснокамск с молодым красавцем Д. – любовником, я не хочу называть его фамилию. Но еще больше я удивлялась отношениям Галины Кузьминичны и матери Николая Николаевича – такая привязанность и понимание, теплота. Позднее она, как и сама Галина Кузьминична, приоткрыли эту тайну.

Мы с Галиной Кузьминичной были почти одного возраста – она родилась в 1914 г. в Воронеже, там закончила десятилетку, там и начала посещать театральную студию. Молодая талантливая актриса была сразу замечена и приглашена в театр г. Куйбышева. Там и встретилась с режиссером – Николаем Николаевичем Доставлевым и вскоре стала – эта девочка – его женой. Вот тогда-то Галочка и познала, что значит быть женой главного режиссера. Не буду раскрывать эти тайны – пусть они умрут вместе с ней. Однажды Галина Кузьминична поделилась со мной сокровенным, узнав, что я пытаюсь написать пьесу об актрисе. Это было наивно с моей стороны. Что знала я о жизни актеров? Конечно, Галина Кузьминична могла многое мне подсказать, помочь, но ненужное, болезненное самолюбие помешало мне попросить помощи. И не суждено было нашей дружбе обрести деловой характер, по-женски поболтаем и опять расстанемся на долгие месяцы. Мысленно, где-то в глубине души, я не могла примириться с ее уходом от Николая Николаевича, да фактически она и не уходила – это было мстостью за пережитые унижения. Вот бы теперь мне писать эту пьесу, но с неожиданной смертью Николая Николаевича, которая потрясла всех, мои желания потухли. Вечером накануне горестного события я выдала ему две путевки на чтение лекций по радио и во дворце Ленина. Первая лекция прошла с большим успехом. После нее он пришел к любимой женщине, лег на диван и

умер. Город долго жил этими событиями: за гробом шли две женщины – его законная жена и та, у которой он умер.

После похорон мужа Г.К. вернулась в свой родной театр, теперь она была уже настоящая актриса. Не только опыт, но и пережитое помогли актрисе раскрыть свой талант. Она была удостоена всех званий. Каждый новый спектакль – праздник ее успеха, неограниченная возможность показать себя в новом образе. Успех! Слава! Но в личной жизни она была одинока, и огромное чувство любви к Николаю Николаевичу жило в ней до конца дней как счастье, как свет, как радость – навсегда! Похоронив сына и дочку, мать Николая Николаевича жила в счастливом мире воспоминаний о своей молодости, где часто мысленно хотелось услышать родной голос: «Что не спишь, Галчонок?» Теперь уже уснула... 16 декабря 1987 г. в драматическом театре состоялась гражданская панихида. Много было сказано теплых слов в адрес Галины Кузьминичны.

ТАМАРА ИВАНОВНА ГОРБУНОВА

Кто не знает в городе этого человека? Кто не побывал на ее выставках? Каждая выставка – путешествие в страну чудес! Работы ее всегда приводят в восторг и вызывают удивление и раздумье. Как это мертвое дерево, доска превратились в необычные, оригинальные произведения искусства с глубоким содержанием и осмыслением многообразия человеческой жизни, интереснейшими характерами. Это живые рассказы, повести о людях. Можно ли без волнения смотреть на деда Шукаря и на Емелюшку из сказки! Какая жизнь! Вот сидит старичок и примеряет новые лапти – сейчас улыбнется! Жизнь чувствуется во всех произведениях – «Частушки», «Сладкий сон», «Высокая нота». Одни работы сделаны с солнечной улыбкой, другие – с иронией, третьи – с печальными мыслями. Не все в жизни радостно – это подтверждают «Одиночество», «Пустота», «Нас оставалось только двое». Тамара Ивановна не стоит от жизни в стороне – все ее волнует и находит отражение в ее работах! Все зримо, ярко, выразительно! Кажется, дерево дышит и сейчас заговорит. «Дипломатия по-русски» – стой и слушай! – и думай-думай. Многие работы посвящены истории нашего края – есть еще и демидовские времена – старина матушка! «Урал»,

«Чусовая», «Кама» – иллюстрации к чудесным сказам Бажова. Как они ожили – эти чудеса из дерева – и улыбки, и морщинки, и настроение, и глупость, и радость героев. Многообразие мыслей и чувств выражает дерево, причем тонко, со вкусом.

Тамара Ивановна, бывшая учительница, обратилась к любимому занятию, когда вышла на пенсию. И сколько сделано! Неужели ее талант только сейчас засверкал? Нет, она многое дала и своим ученикам – особенно тонкое понимание красоты и разнообразия жизни. Талант, талант, к этому еще и необычная работоспособность. Несметные богатства! Редкий дар художника! Ни один зритель не останется равнодушным. Да и возможно ли такое при виде этих произведений искусства? Много уже прошло выставок Тамары Ивановны – каждая отмечена новыми работами, художественными открытиями. Она – не единственный резчик в Перми, но ее работы всегда отличаются и глубиной, и художественностью, и разнообразием – вот бы открыть ее музей для будущих поколений! Правда, много желающих купить ее произведения, но грустно, что они разлетятся по всему свету, и люди не узнают, что жила в Перми такая талантливая резчица по дереву! Оно поет у нее в руках, оно живет! Это океан философских раздумий! Это живые повести о людях! Мне хочется песни слагать об этой женщине! Да, пусть прекрасное живет! И каждая выставка – праздник для зрителя – еще не раз порадует ее работами.

Дом архитектора, выставка 25.П.90 г.

У КАЖДОГО ВРЕМЕНИ СВОЯ ПРАВДА

И дальше в путь пойдем.

Господь, благослови!

Полонский

У каждого времени своя правда, свои идеалы, свои требования. Говорят, времена застоя прошли. Возлагаются надежды на будущее. Начались жаркие полемике – пытаются по-иному осветить пережитое:

Прожитые годы вороша,

Поймешь однажды, как корчилась

И болью исходила и твоя душа.

А человек не может отгородить себя глухой стеной, даже в самые суровые годы, от того, что происходит! В вечном круговороте «перестроек» он обретает порой и суровую правду не только пережитого, но и настоящего, всегда уповая на лучшее; потом оглянется назад и подумает, как много говорили и как мало делали! Или делали совсем не то – не улучшали жизнь, а еще больше запутывались в сложностях.

Конец 80-х и начало 90-х гг. – это разоблачение культа личности – сталинизма, разоблачение страшных лет инквизиции (ежовщина), когда доходили до скотского озверения – без разума уничтожали самых талантливых людей – цвет нации! Кто повинен?! Убивали всё святое, а виноватых не найдешь! Ничей разум даже сейчас не в силах осмыслить и понять все, что происходило на матушке Руси! Мне хочется начать с себя. Как я переживала все эти «перестройки»? Начну с того времени, которое еще не затуманила моя память, когда еще не сломана была душа!

1927 г. Девчонка вся переполнена музыкой, красками, верой, надеждами – в полете и исканиях. Она рисует, пишет стихи, она ученица школы девятилетки г. Шадринска. Вместе со своими пионерами ходит с красным флагом, выступает против религии. Убедена, что все они, молодые, сильные, – предвестники нового времени, весны гонимых! По-весеннему бурно, щедро, солнечно все это делалось! Разоблачали буржуев, торговцев – крушили этот старый уклад жизни. Чичерин и Троцкий – наши идеалы. И вдруг – это уже 1928 г. – бурное комсомольское собрание, на котором клеймят Троцкого и его приверженцев. В школе арестовали любимых учителей, оказывается они – «троцкисты», а тех, кто свято верил в эти имена, объявляли предателями! Только камеры для их заточения не были приготовлены – уж слишком глупы и молоды они были. Самое страшное для них наказание – исключение из комсомола. Это надо было пережить, чтобы понять, как ломались души! Девчонка, которая пишет стихи о мае, о цветах и птицах, печатая их в школьной стенной газете, объявляется «врагом народа». Какого народа? Неизвестно. После окончания девятилетки ее посылают работать в село учительницей, забыв, что она – «враг народа». Окунувшись головой в кипучую школьную жизнь, она вся в работе. Дети ее полюбили, она живет тоже любовью к ним и к своему делу. Буря, шквал, крушение – идет коллективизация! Страшные дни, когда деревня буквально была

поставлена на дыбы. Все менялось, весь деревенский уклад, нравы, обычаи. Все рушилось, горело, смерть ходила по следам! Чудом уцелели молодые учителя – спасла, видимо, наивность, непосредственность и вера в ту правду, которую диктовало горячее время «перестройки». Нет, это была новая революция – во всей жизни! И опять всюду кричали о каких-то врагах народа, а народ корчился в муках этих перемен. И опять все делалось ради «светлого будущего» – земля поливалась слезами и удобрялась кровью – плохо, с трудом, но поверили даже в колхозы и стали по-новому жить – и только одно усваивали: не хочешь беды – молчи! А правда постоянно выворачивалась наизнанку – и в чем она была? – никто не понимал, пытаясь что-то уяснить. Зачем? Для чего? Кто виноват во всей этой беде и неразберихе?! Семьи разбиты. Дети озлобились, что их родителей раскулачили – не хотели работать и учиться. Позднее, когда появился новый роман Рыбакова «Дети Арбата», один молодой человек написал в «Комсомольскую правду» о том, что ему не захотелось жить! А сколько было таких! Но пережили и эти трудные годы.

1937 г. И село и город – все заморожено страхом! Страх, страх! – и опять была какая-то маленькая надежда на правду; разберутся, поступят правильно. Но новые и новые жертвы – за одно слово, за поступок и просто ни за что арестовывали. «Ежовщина» – и это пережито! Было ли еще более страшное время для духовной жизни? Ночи безумия! Война. Родина в опасности! Теперь уже ясно лицо врага – надо спасать Отечество. И спасали! Это правда не принижала, не угнетала, не подгибала – все для фронта, все для победы! Вся жизнь была направлена на спасение Родины. И как много ждали от этой Победы! Она пришла! Пришла эта долгожданная Победа! Живи – и радуйся! Но мало этой радости знал народ, хотя и тогда в нем еще не была убита вера: «все, что делается – все к лучшему!» Этой верой жили! Смерть Сталина – еще не подавлена вера. Первым, кто решил приподнять завесу над прошлым, был Хрущев. Его сразу удалили. А потом, все что началось, – никак не осмыслить. Все прежние духовные ценности уничтожались! Чтоб совсем не заблудиться и не потонуть в болоте преступлений и безнравственности, стали убеждать людей вернуться к Богу. Достоевский когда-то утверждал: «Бога нет, его надо выдумать!» – вот и началось наводнение этих богов. Повывлезали откуда-то священнослужители разных религий – такое нашествие! Стали просвещать молодежь – нечем жить духовно

– живите верой в Бога! Не знаю, хорошо или плохо, что мы все-таки вернулись к вере наших предков? Может быть, общими усилиями и возродим веру в честность, справедливость, в доброе начало человека! Какая правда сейчас – во что вера? Век наживы, торгашества? Мне осталось очень мало жить, а хотелось бы верить в то, что вернется еще народ к более осмысленной жизни во благо своего потомства, хочется верить в эту великую Правду – семьи, детского счастья, душевных радостей, духовного начала всех начал! Пока чувствуется только головокружение от торгашеской карусели перестройки! И это правда. Великий Советский Союз как таковой, который имел значение, превратился в американскую колонию. Едим не только американскую тушенку, но и разные «супы и каши» – вплоть до киселя. Все в цветных красивых упаковочках. Носим – вместо своей одежды – скоморошеские одежды, ходим, как клоуны перед выходом на арену, особенно молодежь, как они преобразились! Джинсы, брюки, тужурки, от виски шатают, и все пропитаны запахом сигарет, которые научились курить с блеском. Свою литературу – особенно классику – не читают. Успехом пользуются разные детективы. Правда жизни – правда тех преобразований, которые произошли. Что будет дальше? – Никто не знает! Утрачиваем значение как нация, у которой потеряны свои нравственные законы и традиции. Потерянное поколение, которое даже не знает, ради чего жить и к чему стремиться... Что будет в будущем с Великой Страной? Потеряна великая Вера в грядущий День – вот она, Правда! Плыдем в неведомое завтра. Кончается 20-й век.

УЛАНОВА

Нет, жизнь меня не обделила,
Добром своим не обошла.

А.Твардовский

Разве можно не считать за счастье, что тебе не один раз приходилось видеть Уланову на сцене? Великая, неподражаемая, ни с кем несравнимая Галина Уланова – сколько радостных, незабываемых переживаний она подарила мне – и никакие слова не в силах выразить чувства и восторг пережитого! Об Улановой написано много, и мои восторги ничего не прибавят к величию этой балет-

рины, к ее божественному таланту. Ее прелесть не уготована для описания – и ее Мария из «Бахчисарайского фонтана», трогательная, нежная, всегда живет в тайниках моей души. В ее танце была магическая неисповедимая сила. Закрой глаза – и через десятки лет увидишь эту Марию – плывущую, мерцающую вокруг памятника – чудо из чудес в своей женственности и обаянии. В образе Марии было все, что может представить горячее воображение. Все лучилось несказанной чистотой и прелестью! Все сверкало и вызывало трепет, и глаза обжигала невольная слеза! И через десятилетия Пермь может гордиться тем, что многие были свидетелями этого чуда, сопричастны, как и я, к этой красоте. Несравненная Уланова в расцвете своего таланта танцевала на пермской сцене. Позднее я была свидетелем рождения другого чуда – Нади Павловой, но эта звездочка сверкнула и не оставила следа. Уланова оставила такой свет, что он никогда не гаснет, необъятный мир красок, чувств, эмоций, восторга и удивления. Именно – восторга и удивления. Впервые я увидела Уланову в закрытом магазине (был такой во время войны для специалистов). По очереди пробежал электрический ток – «Уланова!». Я обернулась и увидела женщину в овчинном белом полупушке с огромной папахой на голове. Было как-то странно, до растерянности, видеть в этой «заземленной» женщине божество и то чудо, которое свершалось на твоих глазах в театре (кстати, Уланова только прилетела с фронта). Но чудо происходило в каждом спектакле, где она танцевала – и этот свет ничто не погасит! Ни годы, ни испытания.

ФАИНА МИХАЙЛОВНА ШЕВЕЛЕВА

Многие годы дружбы и общения с этой женщиной всегда приносили особую радость, пробуждение лучших чувств и стремление как-то выразить себя. Это было так же необъяснимо, как загадочно и необычно была она сама. От природы одаренная талантом художника и тонкостью чувств Фаина Михайловна умела определить характер человека. Была страстным ценителем книг, могла определить ценность предметов настоящего искусства. Ее познания в этой области были не ограничены. Она работала простым библиотекарем, в ней было заложено многое из того, что открывается не сразу. В ее душе всегда жило ищущее начало, побуждающее к вечному познанию. Фаина Михайловна об-

ладала знаниями в области медицины, истории, ботаники, мира галактики и загадочных явлений природы. Свои огромные, глубокие знания она как будто скрывала от людей, «присуясь» недалеким человеком, и только друзей в минуты особого откровения удивляла и глубиной, и оригинальностью взглядов. Но больше всего она ошеломляла своими изобретениями. В ней жил и фантазер и мастер. Каких только поделок она не творила, украшая свое жилище! Однажды ей пришла в голову мысль – создать галерею сказочных героев из кукол. Началось робким и не очень интересным: то Снегурочка, то царевна Несмеяна. Но постепенно коллекция расширялась – сказочные герои шествовали по всем этажеркам и столам в комнате. Благословенны ее руки, творившие эти чудеса! Удивляли Царевна Лягушка, Снежная Королева, старик и старуха вместе с золотой рыбкой, необычная, огромная репка, которую вытаскивают все, вплоть до Жучки и мышки, дед Мазай и зайцы, Царь Салтан и известная Бабариха, девка Чернавка. Появились герои многих сказок, их победоносное шествие продолжалось. Особенно хороши были тетя Полли и ее любимец и озорник Том из книги Марка Твена, а также нежная, трогательная Дюймовочка. Чудеса жили только в квартире Фаины Михайловны. «Да, что же ты не сделаешь выставки? – спрашивали ее. – Не порадуешь детей? Их родителей? Такое не часто увидишь!» Наконец, упрямец решила показать свои куклы. Выставка сразу привлекла множество зрителей. Все удивлялись, восхищались, восторгались, слов не находили, чтоб выразить свою благодарность и признание. Да, это было чудо из чудес! Каждого героя сказки оживил большой художник. Так ярко, выразительно, необычно были выражены характеры. О выставке много говорили, показывали ее даже по телевидению. Но Фаина Михайловна снова замкнулась в себе, отдавшись другим увлечениям. Уж такой она была человек – во всем быстро разочаровывалась и с головой уходила в другие увлечения. В ней всегда жил большой художник. Замечательны созданные ею портреты матери, сестры и близких. Сколько ее не пытались привлечь к выставкам – не желает! Часто задумываешься – отчего это? От особой скромности? От собственного характера? «Я для себя рисовала!» Для себя? Но если это талантливо, интересно, необычно, почему бы не порадовать других?! «Не хочу! Не желаю!» По натуре она была очень ранимой. Это ей всегда мешало. Жила она скромно, в бедности – и это тоже мешало раскрыть душевное богатство. Людей она любила,

тянулась к ним, хотя многих воспринимала с незлобивой мягкой иронией. В характере Фаины Михайловны – особенно в последние годы – проявилось много противоречий. Но с ней мне было всегда интересно!

ШИРОКОВ (21/II – 1986 Г.) ПЕРСОНАЛЬНАЯ ВЫСТАВКА «ГОЛОС СВОЕЙ ЭПОХИ!»

Стоит вспомнить первую персональную выставку художника Широкова. Это был праздник искусства по поводу присвоения ему звания народного художника. Народного! Что может быть почетнее? Он первым из художников Урала получил это звание! Гордость и слава Перми! Народу на праздник собралось много, все были взволнованы и удивлены: так много сделано! Сдержанно, сжато и значимо сказала свое слово Копысова – просто и глубоко: «Пермь гордится этим именем». Выступал Герой Труда Евсюнин, от художников – Мальцев, профессор Уральского университета Степан Петрович Ерков. Вспомнили первую дипломную работу художника – «Провожали гармониста в институт». Выступающих было множество, всех не перечислишь. Преподносились цветы, подарки, принимали телеграммы, читались стихи. Кстати, пришли телеграммы от Чурсиной и Шаповалова. Я мысленно пожалела, что на выставке нет портрета Шаповалова (интереснейший человек, большой деятель культуры Перми). Многие стремились выразить свои теплые, сердечные чувства большому художнику. Некоторые в своем красноречии до того договорились, что желали ему «душевного покоя».

Сказал свое слово и Широков. Красноречием он не отличался, но притча о трех грузчиках была рассказана к месту. Что они делали? Первый сказал: «Вожу камни», второй: «Кормлю себя и семью», третий: «Я строю храм». Кто влюблен, тот воспекает свой труд! После всех выступлений я еще раз прошлась по выставке. Широков – портретист. Но портреты, почему-то не волновали. В лицах суровых, деловых и очень знакомых я не улавливала чего-то главного – живинки каждого. Вот портреты Астафьева, Товстоногова, Смоктуновского, Миронова. Торжественная парадность. А характер? Нет внутреннего света. Какое-то подобие улыбки нашла на лице Кирилла Лаврова. Мне вдруг стало

скучно и холодно от этих монументальных лиц. Подумала, а ведь Широков – лирик. Почему же не живут эти лица? Я не узнавала Миронова, Смоктуновского... Даже в трогательной Наде Павловой отсутствовал свет! Раздражал портрет Радкевича. Таким его не должны видеть потомки. Трагедия потерянного и опустошенного человека! Ведь портрет настоящего художника – это живая повесть, роман о человеке, твоём современнике. Подумала о ранних работах Широкова. В них ярко выявился его талант, особенно в детских портретах. В них были солнечное тепло и жизнь (портреты девчурки Леночки, Мити, Иринки и дочери). Это не фотографии. Весеннее половодье чувств художника проявилось в натюрмортах. Чудо – картины «Верба», «Флоксы». Невольно вспомнилась выставка 1976 г. Там был представлен другой Широков – трогательный, глубокий. Все жило в его произведениях, и сам он был красив, романтичен. Это были первые шаги лирика, поэта с красивой душой! Сегодня он – умелец и мастер и ничего не осталось от молодости и полета. Кстати, на выставке были и его первые ученики и наставники. Особую роль в формировании Широкова художника сыграл Каслинский мастерской – Павел Степанович Аникин.

Это он побудил мальчика к занятиям искусством. В войну Широков работал в литейном цехе, и Михаил Сергеевич Соломинцев вселил в него великую веру в свой талант, способности. Днем делали снаряды для фронта, вечером – тончайшие фигурки из чугуна, и рождалось горячее желание – создать что-то свое, проявить индивидуальность, стать художником. У Широкова есть несколько автопортретов. В них – биография художника. Нельзя остаться равнодушной, когда смотришь на автопортрет в сиреневых тонах (его купили для Третьяковки). Художник как будто в раздумье – что еще будет сделано? Каково его «завтра»? Он как бы приглашает зрителя в собеседники. Был у художника период, когда он решал тему «Ленин и народ». Но в ее решении у него не было удачи. Да и кто талантливей Кибрика и Жукова раскроет эту тему? Надо отметить, что для Широкова характерны вечные поиски. Удачи и неудачи! Что еще сделает художник, что подарит миру? Впереди еще есть время! Наша Пермь богата художниками: Ковалев, Камшилова, Тарасова, Зырянов и другие составляют славу города и его гордость. Несомненно, Е.Н.Широков – «голос своей эпохи». Невольно вспоминаются слова Горького: «Художник – чувствилище своей страны, своего класса, ухо, око и сердце его»

Он озарен лучами ранними,
Объят работой неизменной,
Он управляет всеми гранями
И всеми красками Вселенной.

ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНИЦА

И если надобно говорить о священном, так священно только недовольство человека самим собою и его стремление быть лучше, чем он есть.

А.М.Горький

Эти слова Горького я всегда помнила, но и они не оправдывают меня. Жизнь пролетела, метель времени запорошила многие дороги и главное – интереснейшие встречи с людьми. Я не рассказала о том, что жило в самых сокровенных тайниках души. Что сделаешь? Ничего уже не вернешь! Ничего!

Видна и причина: вечное недовольство собой. Это было в характере. То, что сегодня казалось важным и значительным, назавтра – пустяком, не заслуживающим внимания. И все-таки, с какой неутомимой жадной жила потребность что-то создавать свое – творить! От одного увлечения к другому, постоянные перелеты! Сначала поэзия, потом проза, затем графика, живопись – и все с отчаянной отрешенностью от разума – только уйти с головой в это занятие! Сколько сделано рисунков – тьма! А зачем? Какие работы по вышивке! По вязанию! Кому они нужны?! Сколько начатых и незаконченных рассказов! И все это уйдет вместе со мной в неведение!

Сделать что-то значительное, важное, нужное – не могла! Не было самого главного таланта – целеустремленности и умения беречь время, не разминивать его!

И вот сейчас, когда прошла жизнь, когда иссякли лучшие порывы, когда уже ясно, до отчаяния ясно, что из задуманного ничего не сделано, остается только сказать: «Простите, люди! Вы многое мне дали. Я не рассказала о вас! Я не написала книгу о школе, о лучших учителях, которых я знала. Сколько их

было – талантливых, умных, интересных! Я не оставила книги о педагогических раздумьях! Но если не будет выброшен мой дневник – станет ясно, как я жила и чем жила – и в этом был свой смысл!

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОБ АВТОРЕ ЭТОЙ КНИГИ (МОЕЙ МАМЕ).....	4
ВСЕ, ЧТО БЫЛО СО МНОЙ.....	13
НИКОЛАЙ АРТЕМЬЕВИЧ САДОВНИКОВ.....	14
ОЛИМПИАДА МАКСИМОВНА ВАРФОЛОМЕЕВА – ОСНОВОПОЛОЖНИЦА ДОШКОЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ Г. ПЕРМИ (1845 Г. РОЖДЕНИЯ).....	16
ПАМЯТИ ИВАНА МИХАЙЛОВИЧА ЗАХАРОВА – ПРОФЕССОРА ПЕРМСКОГО ПЕДИНСТИТУТА.....	18
СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ РЕСЦОВ.....	22
АЛЕКСЕЙ ДОМНИН.....	25
АЛИМ КЕШОКОВ.....	27
АЛИМ КЕШОКОВ (ДОПОЛНЕНИЕ).....	33
АРАМ ИЛЬИЧ ХАЧАТУРЯН.....	36
АРТИСТ ОПЕРНОГО ТЕАТРА И.ШАПОВАЛОВ.....	39
БОРИС ШИРШОВ.....	41
ВЕРА ФЕДОРОВНА ПАНОВА.....	42
ВСТРЕЧА С АРТИСТОМ ФИЛАРМОНИИ СОЛОМЕННЫМ.....	43
ВСТРЕЧА С МАРИЕЙ ПАВЛОВНОЙ ЧЕХОВОЙ.....	44
ВСТРЕЧА С МОСКОВСКИМИ ПИСАТЕЛЯМИ (14.VI.88).....	46
ВСТРЕЧА С ПИСАТЕЛЕМ И ПОЭТОМ НИКОЛАЕМ ВЛАДИМИРОВИЧЕМ СОФРОНОВЫМ.....	47
ГЕОРГИЙ ГУЛИА.....	49
ДВЕ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ АКТРИСЫ – ДВА ХАРАКТЕРА, НЕПОВТОРИМЫЕ В СВОЕЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ.....	50
ДМИТРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ПОЛУНИН.....	52
ИВАН АНТОНОВИЧ МАЛАФЕЕВ – СЕЯТЕЛЬ ПРЕКРАСНОГО!.....	53
ИЗАБЕЛЛА ИСАКОВНА КИБРИК.....	54
ИРИНА НИКОЛАЕВНА АМОСОВА.....	55
ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ПРАВДИН.....	57
МАРГАРИТА ВЕНИАМИНОВНА ТАРАСОВА.....	59
МАРГАРИТА ЯРОВАЯ.....	60

МАХМУД ЭСАМБАЕВ – КОРОЛЬ ТАНЦЕВ – ЯРКАЯ ЗВЕЗДА НА НЕБОСКЛОНЕ НАШЕГО ИСКУССТВА	61
МОЙ БРАТ ПЕТЯ	62
НАРОДНЫЙ ХУДОЖНИК С.ШИЛОВ	65
НИНА ПЕТРОВНА ЗОБЫЧЕВА	66
О ЕВГЕНИИ ФЕДОРОВНЕ ТРУТНЕВОЙ	68
О ПИСАТЕЛЯХ, КОТОРЫХ Я ЗНАЛА, С КОТОРЫМИ ВСТРЕЧАЛАСЬ В ДОМЕ ЖУРНАЛИСТА	69
ПАМЯТИ Г.М. НЭЛЕППА	71
ПАМЯТИ ЯШУТИНА	72
ПЕРСОНАЛЬНАЯ ВЫСТАВКА ПЕРМСКОГО ХУДОЖНИКА АНАТОЛИЯ НИКОЛАЕВИЧА ТУМБАСОВА	74
СЕРГЕЙ ЯКОВЛЕВИЧ ЛЕМЕШЕВ	76
СЕРГЕЙ ЯКОВЛЕВИЧ ЛЕМЕШЕВ (ВТОРАЯ ЗАПИСЬ)	77
СЛАВНОЕ ИМЯ ПЕТР АРТЕМЬЕВИЧ ОБОРИН – ХУДОЖНИК	80
СПИТ «ГАЛЧОНОК». ПАМЯТИ ГАЛИНЫ КУЗЬМИНИЧНЫ ВАСИЛЬЕВОЙ	81
ТАМАРА ИВАНОВНА ГОРБУНОВА	83
У КАЖДОГО ВРЕМЕНИ СВОЯ ПРАВДА	84
УЛАНОВА	87
ФАИНА МИХАЙЛОВНА ШЕВЕЛЕВА	88
ШИРОКОВ (21/II – 1986 Г.) ПЕРСОНАЛЬНАЯ ВЫСТАВКА «ГОЛОС СВОЕЙ ЭПОХИ!»	90
ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНИЦА	92

